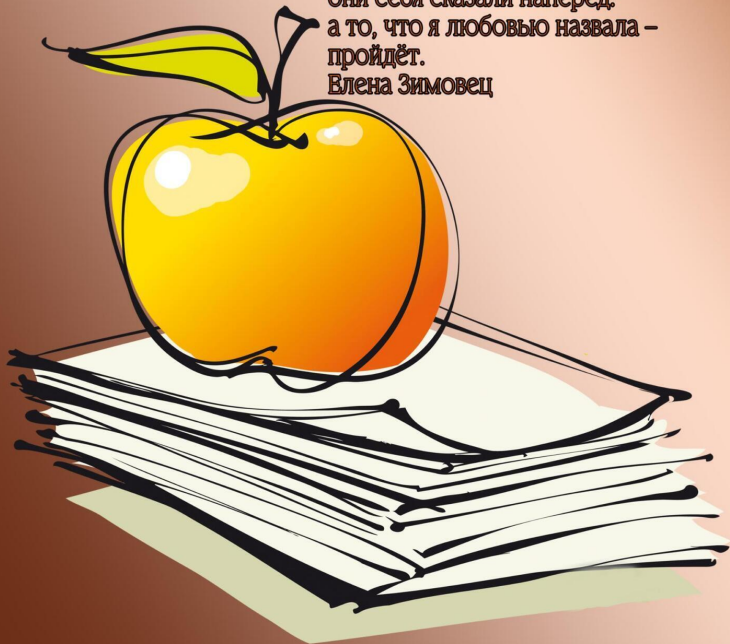

Валерий Столыпин

молчат слова, которым нет числа,
они себя сказали наперёд,
а то, что я любовью назвала –
пройдёт.

Влена Зимовец

Искушение

Рассказы о любви и интимных отношениях

Валерий Столыпин

Искушение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63633791

SelfPub; 2023

Аннотация

Любим, ох как любим мы вывернуть душу до самого доньшка в непринуждённой обстановке, выплеснуть горький осадок, чтобы попытаться забыть. Или наоборот накрепко запомнить и пережить заново, если переполняет до краёв ликующая радость бытия, когда есть, что и почему рассказать, но особенно некому. Откровеннее всего признаётся и каемся, если рассказчик и слушатель почти незнакомы, когда исповедь, выворачивающая зигзаги судьбы наизнанку невозможно передать знакомым и близким, а душа или совесть страдают, болят. Поначалу я внимательно слушал бесхитростные откровения, позже начал писать. Историй у меня накопилось много.

Содержание

Спасибо тебе, Лёлька!	4
Течёт река, прекрасная река	31
Сказал, что я клеевая	54
Стихи и проза	59
Трудно быть богиней	85
Под стук колёс, под стук колёс...	97
Приходил-то зачем!	108
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Валерий Столыпин

Искушение

Спасибо тебе, Лёлька!

*удивляясь неистовой страсти двуногих растений,
что пришли в этот лес – и расстаться почти не смогли.
Ты, забудешь, любимый. И только останутся тени.
Две счастливые тени – у самого края земли.*

Наталья Крофтс

Удивительный был год, неповторимый на сюрпризы и подарки.

Я воспринимал происходящие одно за другим замечательные события как праздник, ассоциируя их почему-то с началом взрослой жизни.

Какая глупость – считать, что семнадцать лет, это начало самостоятельности. Хотя, в деталях моя жизнь значительно изменилась.

На школьном выпускном балу я впервые танцевал с девушкой, голова которой покоилась на моём плече. Это была прехорошенькая смуглая глазастая малышка с каштановы-

ми волосами, Верочка Сметанина, в сторону которой я целый год даже глядеть стеснялся, настолько сильно внешность очаровательной девочки, и она сама, меня смущали.

Руки мои едва дотрагивались до крошечной талии, но этого прикосновения было достаточно, чтобы свести с ума.

Пунцовые щёки и дрожь в мышцах были свидетелями тому, что я чувствовал. Прикосновение к тайне было не просто чудом – колдовством, магией. Кажется, я светился от избытка жизненной энергии, которая перетекала от неё ко мне.

Музыка закончилась, а мы всё топтались, не в силах разорвать магнетизм единения, настолько мне, возможно и ей, было хорошо. Или это были лишь мои ощущения, не знаю. Впрочем, я ничего не хотел знать, кроме того, что чувствовал.

Верочка щекотала мою щёку и ухо кудряшками, отчего по всему телу разливалась блаженная истома и сладостный трепет.

Мы так громко молчали, что на нас стали оглядываться.

Я был беспредельно счастлив.

Кажется, это был самый короткий и самый восхитительный вечер в моей жизни.

Проводить Верочку мне не удалось – за ней к полуночи пришёл папа. Он смерил меня странным взглядом, взял девушку за руку и увёл.

Больше мы с ней не виделись. Видимо линия её судьбы была заранее распланирована строгим родителем на годы вперёд.

Верочкин взгляд, сладостное ощущение причастности к тайне, волшебная сила, исходящая от прикосновений, навсегда отпечатались в моей памяти как начало начал, как посвящение в одно из самых сокровенных таинств мироздания.

Я страдал от неразделённости чувств, от того, что приблизившись к мечте лишь отдалил её воплощение. Волнительный трепет заставлял меня грезить, писать запоем стихи. Неожиданно для себя я влюбился в одиночество, страстно желая лишь одного – встретиться с Верочкой, объясниться.

Поступать в институт я не стал по множеству причин, хотя до этого момента жил мечтой о профессии биолога и путешественника. Единственный танец с красавицей Верочкой основательно приземлил меня, лишив не только мечты, но и

жизненных сил.

Потом был техникум. Как запасной аэродром, исключительно для того, чтобы было от чего оттолкнуться впоследствии, чтобы не потеряться окончательно.

Жизнь потеряла для меня смысл, потому что им была Верочка.

Особенного желания учиться не было, но предметы и практические занятия по профильным дисциплинам давались легко. В свободное время я уходил на охоту и рыбалку, старался отвлечься, чтобы не думать о Верочке, чтобы хоть чем-нибудь заполнить угнетающее затуманенное сознание время.

Тогда я уже знал, что никакого продолжения у нас не будет. Верочке было отправлено письмо с тщательно выверенными признаниями, в котором душевное состояние и чаяния были вывернуты наизнанку.

Ответ вызвал у меня шок.

Верочка запретила писать и даже вспоминать, в том числе о выпускном балу и волшебном танце.

Я был молод. Время действительно лечит, но об этом мне

стало известно гораздо позже.

Постепенно из памяти стирались оттенки эмоций. Верочка перестала являться в грёзах и снах.

Просто отпустила меня на волю. Или я её.

Именно тогда в моей жизни появилась Лёля, сероглазая разбитная восьмиклассница. Девочка просто лучилась и искрила энергией.

Мы жили в соседних домах. Нам было по пути – мне в техникум, Лёле в школу.

Полярная зима – это непрерывная ночь.

Как-то утром девочка догнала меня и предложила ходить вместе.

– Мне бывает немножко страшно в темноте. Ничего, если я буду за тебя держаться?

С тех пор мы не расставались. Я провожал непоседу Лёльку до школы, встречал после занятий, иногда сбегая для этого с занятий.

Вечером девочка звонила по телефону, требовала немед-

ленно прийти, потому, что не может в чём-то из школьной программы разобраться, или...

Причин для свиданий у неё находилось множество.

Всю дорогу до школы Лёлька держала меня за руку миниатюрной ладошкой без варежки, несмотря на трескучие морозы, и развлекала бесконечными историями.

У моей подружки были изумительные кукольные пальчики, фарфоровая кожа, пушистые ресницы, яркий румянец и пухлые рубиновые губки.

А как удивительно она глядела на меня, затягивая с головой в дивный омут выразительных серых глаз в половину лица.

Вскоре я не представлял без Лёли и её очаровательной улыбки не то чтобы жизни – минуты, дня.

Мы проводили вместе столько времени, сколько могли себе позволить, чтобы не было проблем с учёбой и домашними обязанностями, со многими из которых весело справлялись вместе.

Лёлька любила дразнить меня, намеренно наклоняясь, чтобы обнажить краешек трусиков, “нечаянно” растёги-

вала пару-тройку пуговиц на домашнем халатике, задирала платье, показывая невзначай “гадкий прыщик” на внутренней стороне бедра, чем основательно смущала.

Это ничего не значило. Совсем ничего. Во всяком случае, мне так казалось.

Она просто дурачилась, заражая меня любопытством и заряжая эмоциями.

Мы были знакомы четыре месяца, но всё ещё держали пионерскую дистанцию, запрещая себе даже мимолётные прикосновения.

Правда однажды Лёлька простыла. Девочка настояла, чтобы я поставил ей горчичники.

У меня горели щёки, дрожали руки.

Линия позвоночника и упругие холмики ягодиц гипнотизировали взгляд, не позволяя сосредоточиться на самой медицинской процедуре.

Я видел, что находится у Лёльки под мраморной кожей. В голубоватых лабиринтах фантастических рисунков вен пульсировала тёмная кровь.

Я дотронулся подушечками пальцев до Лёлькиной лопатки. Она съёжилась, взбрыкнула и покрылась мурашками. Как же мне хотелось дотронуться до них губами.

Хорошо, что подружка не видела выражения моего лица. Наверно в этот миг я был похож на маньяка, готового на всё.

Лёлька плакала, жаловалась на жжение, на то, что болит голова и ломит тело.

Я сидел подле неё, перебирал миниатюрные пальчики, целовал в лоб и волосы, всячески пытался успокоить.

Лёлькин папа пришёл с работы в ту минуту, когда я снимал горчичники.

Не разобравшись, что к чему он сгрёб меня в охапку и вышвырнул из квартиры, добавив скорости пинком под зад.

Было обидно и больно. Я скатился с лестницы, подвернул ногу.

Больше всего возмущала и угнетала неопределённость, — неужели нам не разрешат больше видеться!

Не знаю, как и что объясняла Лёлька папе, он пришёл ко

мне сам.

– Ты это, заходи, если что... я же не знал. Дочка ждёт тебя. У неё нет мамы, а я вечно на работе. Мне показалось, что у вас... ладно, проехали. Меня Пётр Фёдорович зовут.

Наверно это послужило толчком, катализатором чего-то невысказанного для нашего с Лёлькой незрелого уровня общения.

Получив разрешение встречаться когда угодно, мы ощутили головокружение от вседозволенности, мгновенно выскочили из серой обыденности невинных юношеских свиданий, и улетели в нирвану.

Потрясённые первыми невинными шалостями и безумно волнующими открытиями, мы смешали воедино пространство и время, иллюзии и реальность, не понимая, как с этими чудесами управляться.

Время позволяло нам искажать действительность, выходить из неё, улетать за рамки реальности, создавать новые миры и измерения. Вдвоём.

Я мог ласково сжать её лицо между ладонями, ощутить бархатистость кожи влажными губами, запечатать рот поцелуем, почувствовать сладковатый вкус внутренних соков,

вдыхать немислимо завораживающий аромат дыхания.

Лёлька сама хотела, чтобы я её ласкал и тискал.

Сама!!!

Целовался я неумело, но это не имело значения. Она тоже ничего не смыслила в интимных ласках.

А ещё Лёлька иногда позволяла залезть головой под кофточку и совершить путешествие в таинственный мир упругих округлостей и напряжённых сосочков, отчего я реально сходил с ума.

Смотреть на сокровища, скрывающиеся в глубине одежд, не было дозволено, но это и не важно. Было достаточно маленьких уступок: манящих, чарующих и немного запретных.

Лёлька доверчиво и трогательно глядела прямо в мои влюблённые зрачки, держала за руки и сияла, словно летняя радуга от избыточного количества счастья, чем приводила меня в неопиcуемый восторг.

Мы оглушительно молчали, зачастую в абсолютной неподвижности, наполняя сердца и души любовью, вот что было особенно важно.

Лёлька была божественна, прекрасна, можно сказать идеальна.

“Увидеть её нагую и умереть” – вот о чём я постоянно думал, но боялся даже себе в этом признаться.

Понятно, что умирать, когда на тебя свалились миллионы тонн счастья, никому не захочется. Это была романтическая идеализация, мираж, сотканный из бесконечно огромного эстетического наслаждения, эмоциональных бурь, физиологических реакций и эротических переживаний, способствующих превращению нормального юноши, обдумывающего жизнь, в сказочно счастливого безумца.

В тот день, в канун Нового года, мы решили испечь торт. Петр Фёдорович был в командировке. Нам никто и ничто не могло помешать быть счастливыми.

Лёлька, как обычно, дурачилась: мазала моё лицо мукой с приторно сладкими взбитыми сливками, потом с видимым наслаждением всё это облизывала, стараясь засунуть язычок как можно глубже мне в рот.

В какой-то момент процесс вышел из-под контроля. Кто-то из нас, или оба, мы провалились в иное измерение.

Как долго длилось путешествие по территории иллюзий, определить было невозможно. Очнувшись, мы обнаружили сплетённые тела, оголённые по пояс.

Набухшие Лёлькины соски, венчающие малюсенькие упругие грудки, смотрели на меня, не мигая, яркими вишенками. Удержаться от соблазна попробовать это лакомство на вкус, было попросту невозможно.

Подобного наслаждения никогда прежде мне испытать не доводилось.

Меня трясло так, словно это была пытка на электрическом стуле.

– Думаешь, теперь можно всё? Нет, Егорушка, слишком хорошо – тоже плохо. Нам нужно остановиться.

– Я и сам так думал. Довольно на сегодня сюрпризов. Разве что...

– Говори!

– Одним глазком... одним пальчиком. Только дотронусь и... клянусь!

– Мы же договорились.

– Да, конечно, я неправ.

Подружка успокоилась и расслабилась. Поцелуи становились горячее и продолжительные, Лёлькины обнажённые соски жгли мою чувствительную грудь, рождая волну внутреннего беспокойства, усиленного желанием реализации невозможного.

Я медленно расстегнул пояс девичьей юбки, виновато посмотрел в её растерянные глаза, медленно украдкой опуская разгорячённую желанием ладонь внутрь запретного предела, словно сапёр, выполняющий опасный долг.

Сопротивления не последовало.

Слово своё я сдержал.

Всего одно прикосновение, но какое. Я чуть не сгорел в огне желания, однако сдержался.

Лёлька стонала, прерывисто дыша, закатывала глаза, с силой прижимала к животу мою голову.

Похоже, мы слишком увлеклись. К такому путешествию ни она, ни я не были готовы.

*****

*Не тает снег давно минувших лет,
рыдают отзвучавшие аккорды.
Там всё ещё действителен билет
в страну, которой возрасты покорны.*

Наталия Кравченко

Расставаясь, мы с Лёлькой молчали, старательно пряча друг от друга глаза, словно совершили нечто весьма неприличное, скверное.

У подружки был весьма расстроенный вид, у меня тоже испортилось настроение, хотя истинной причины болезненного состояния понять было невозможно.

Всё ведь было так хорошо, так волшебно прекрасно, так восхитительно сладко.

До желанно-неизведанной тайны оставались секунды времени и расстояние в несколько миллиметров, которые соблазняли дозволенностью и доступностью, но граница сокровенной глубины так и не открылась.

Я чуть было не начал просить прощения, клял себя всеми возможными ругательствами за несдержанность и поспеш-

НОСТЬ.

Лёлька, она же такая ... она мне доверилась... а я!!!

Сердце щемили странные предчувствия, однако внутренний собеседник уговорил-таки не торопить события, подождать, пока успокоится и остынет Лёлька.

Ночью, потрясённый остротой ощущений я вновь и вновь эмоционально воспроизводил в памяти интимные переживания тех сладостных минут, мечтал повторить их, и одновременно ругал себя за непростительное поведение.

Обошлось!

Лёлькины замечательные глаза излучали счастье, а беззаботно-приподнятое настроение лучше слов свидетельствовало только о любви.

Утром мы шли по известному маршруту, держась за руки.

“Лёлька, любимая, я тебя обожаю”, – шептал про себя я.

Милая девочка, лучшая из всех кого я знал, оживлённо чирикала о чём-то непонятно-увлекательном. Я не был способен вникнуть в суть её беспечной болтовни. Значение име-

ли лишь интонация и радость в голосе.

Душа моя вспорхнула на седьмое небо, или чуть выше, откуда открывался умопомрачительный вид на долину счастья, и блаженствовала.

Моя Лёлька (я даже слегка испугался этой собственнической мысли) вовсе не обиделась, никакой трагедии не произошло, мы опять вместе.

Очень хотелось обсудить случившееся, определиться – чего нельзя, что допустимо и желательно. Разделяет ли Лёлька моё мнение об удивительно ярких восторгах, которые я получил от мимолётной близости?

Но было ещё кое-что: девочке всего шестнадцать лет.

Правда и я несовершеннолетний.

И что с того?

Из уроков жизни необходимо извлекать глубинный смысл здесь и сейчас, делать по возможности правильные выводы, только подсказать, как хорошо и правильно, некому.

Безрассудный поступок и его последствия понемногу

утратили болезненное восприятие. Дальнейшего посягательства на нераскрытые интимные тайны я теперь старательно избегал.

Мало ли в жизни желанного, неизведанного?

Мы так же встречались, так же в поцелуях, объятиях и восторгах от общения проводили время, получая взаимную радость.

Нам было хорошо, даже больше – восхитительно вдвоём.

Не знаю, какие переживания и мысли посещали Лёлькину голову, я уже не мог стать прежним.

Однажды сделанное открытие требовало дальнейшей реализации.

Я запрещал себе думать о том, как поступить, чтобы подруга сама захотела продолжения процесса исследования наших загадочных тел и их интимного соприкосновения.

“Неужели Лёльке не хочется пойти дальше, попробовать новые ощущения, испытать себя, наконец?”

Неведомая сила внутри меня разрывала мозг на мелкие

кусочки. Благоразумие и выдержка безуспешно боролись с предприимчивым авантюризмом и впечатлённым предыдущими активными действиями темпераментом.

Приводимые разумом аргументы с лёгкостью необыкновенной разрушались внутренним голосом, пребывающим в состоянии протрации от близости к разгадке чего-то важного, который знал куда больше меня.

Нам и без новых приключений хватало разноцветных, ослепительно солнечных эмоций, превращающих Полярную ночь в летний полдень, но само наличие тайны, разгадка её сокровенной сущности, не терпит томительного бездействия.

Каждый день приносил нечто более яркое, восхитительное. Мир вокруг таинственным образом сузился до размеров малюсенького островка, который окружал наши тела и души.

Мы никого и ничего не замечали вокруг, ничем не интересовались. Нам ни до кого не было дела.

Состояние беспредельного счастья – это нечто невообразимое, описать его практически невозможно. Подходит разве что слово восторг с десятком восклицательных знаков на конце.

Лёлька день ото дня хорошела, становилась прекраснее, совершеннее. Её формы, несмотря на юный возраст, приобрели плавную округлость, свидетельствующую о стремительном взрослении.

Ни одна девчонка на свете не могла затмить её неоспоримые достоинства, обладателем и хранителем которых был я, только я, и больше никто.

На Лёльку стали заглядываться даже взрослые мужчины, таково видимо действие на внешнюю среду витаминов счастья.

Возможно, раньше я этого просто не замечал. Теперь интерес посторонних к возлюбленной совсем меня не радовал. Во мне неожиданно проснулся зародыш собственника.

Упрекнуть её было не в чем и всё же, и всё же...

Не знаю, какие аргументы использовало подсознание, но события вновь понеслись вскачь, заставляя нас с Лёлькой раз за разом становиться откровеннее и бесстыднее.

Порой мы просто сходили с ума от неуёмных фантазий, забывались на время, испытывая непреодолимую жажду открытий, когда инстинкты и физиология становились гораздо

сильнее рассудка.

Наши невинные интимные игры приобретали день ото дня всё более острый эротический оттенок.

Мы уже не стеснялись обнажённых тел, не краснели удушливой волной от новизны и сладости нечаянных соприкосновений.

Мы эти ощущения искали, изучали и коллекционировали: с интересом и восторгами подолгу рассматривали подробности анатомии, наслаждались опасными ласками, пробовали друг друга на вкус.

Каждое переживание имеет некие пределы, преодолев которые остановиться невозможно отказаться от продолжения поисков. Любопытство, желание познавать, непреодолимо.

Однажды мы основательно расшалились, забыв про осторожность, хотя Лёлька заранее предупреждала, чтобы слишком откровенные интимные намерения выбросил из головы, правда, при этом её шея и грудь налились отчего-то малиновым цветом, а дыхание сбилось, но взгляд и выражение лица не давали сомневаться в серьёзности сказанного.

Я и не спорил. Меня вполне устраивали уже освоенные

ласки, энергетика которых возбуждала круче исполнения солнышка на качелях.

Сексуального опыта и потребности в нём я не имел, поскольку неоткрытое и непознанное не имеет обличья, Лёлькин наивный ультиматум не вызывал вопросов.

Всё было предельно ясно, рационально и правильно.

Вот только мысли и действия, когда вы сосредоточены на процессе, а не на стратегии и тактике игры, непоследовательны, по большей части непредсказуемы и спонтанны.

Прохладно-упругие Лёлькины грудки замечательно помещались в моих ладонях, бесстыдно волновали воображение, сладко обжигали вспышками пьяняще-живительных токов, опускающих горячие внутренние импульсы желаний всё ниже.

Наши губы основательно распухли от страстных поцелуев, бессовестно-любопытные языки вероломно манипулировали нашими взаимными чувствами, возбуждая к совершению невообразимо откровенных экспериментов.

Не помню, совсем не помню, как моя ладонь соскользнула под пояс юбки в трусики.

Лёлька напряглась, задрожала, но поощрительно прижалась ко мне всем телом.

Спустя мгновение её ноги слегка разошлись в стороны, дав возможность нащупать рукой потрясающе горячую влагу, ощутив которую я забыл, что необходимо дышать.

Лёлька дрожала всем телом, судорожно напрягала и ослабляла пресс, со стоном выталкивала из лёгких раскалённый воздух, впивалась острыми ноготками в мои окаменевшие мышцы.

В воздухе запахло грозой, знойной полуденной свежестью, сладкими ароматами чёрной смородины и спелых абрикосов, а ещё чем-то терпким, мускусным.

Соображать, что к чему я не хотел и не мог. Что руководило и координировало наши действия, больше не имело значения. Здесь и сейчас я хотел получить всё. Что именно – не важно.

– Сними, – прошептала Лёлька.

Могла бы этого не говорить.

Я трогал её податливое, замершее в предчувствии неожиданной развязки тело языком и пальцами, с интересом рассматривал подробности того, что прежде моя девочка ревниво скрывала.

Ни Лёлька, ни я даже представить не могли, что будет дальше, однако природа процесс интимного познания отточила до мелочей, намеренно отключая сомнения и чувство опасности, соблазняя участников поединка такими аппетитными приманками, отказаться проглотить которые попросту невозможно.

Обычно моя девочка целовалась с закрытыми глазами. Теперь она сосредоточенно всматривалась, чем я занят, активно одобряя, пассивно содействуя, стимулируя к продолжению запретных, но желанных действий.

Лёлька боялась, но яростно хотела, чтобы это ужасное и желанное одновременно случилось.

Эмоции кипели, переполняли возможные объёмы восприятия. Мы возбуждённо сопели, следуя древнейшим стратегиям природы, неуверенно, но последовательно постигая таинства единения.

Момент, когда мы слились, случился нереально, неправ-

доподобно, неестественно. Мы просто погрузились в нирвану с закрытыми глазами, позволив телам безвольно дрейфовать в потоках страсти.

Изнемогая от желания и похоти, неумело, наверно слишком поспешно сливались наши измученные бесконечным ожиданием тела в единое целое, умирая от страха неизвестности и рождаясь вновь оттого, что мир не исчез, а мы не превратились в пену или камень.

Потом наступила тишина.

Нас ещё долго качало на волнах блаженства.

Смертельная усталость и чувство благодарности к Лёльке обездвижили меня.

Это длилось невероятно долго, целую вечность, хотя стрелка часов продвинулась за это время не более чем на десять минут.

Лёлька теребила губами моё невероятно чувствительное ухо, нежно ласкала, чем вновь возродила неистребимое эротическое желание.

Нам повезло: несмотря на неопытность, мы избежали

неприятных последствий. Родители так и не узнали о наших чересчур близких отношениях.

Мы купались в комфортных потоках любви и счастья до окончания моей девочкой школы. Окружающие люди уверенно считали нас парой, говорили, что мы очень похожи, что просто обязаны и вынуждены быть вместе.

После десятого класса Лёлька уехала учиться.

Я писал подробные письма каждый день, увлечённо сочинял стихи, иногда приезжал к ней на несколько дней в гости.

Жизнь была прекрасна.

Она имела сокровенный смысл, была на долгие годы продумана до мелочей.

Одного я не знал и не мог предвидеть.

Сущего пустяка, который, тем не менее, изменил мою и её жизнь навсегда.

Лёлька влюбилась.

– Как же мы, наша любовь, наши отношения, наши чув-

ства?

– Мне было с тобой хорошо, замечательно... но с Лёшей намного лучше. Прости, Егор! Это сильнее меня.

Мы расстались.

Я выдумывал один за другим счастливые сценарии возрождения чувств: ждал, надеялся, страдал.

Напрасно.

Лёлька вышла замуж за своего лейтенанта, уехала с ним в забытый людьми и богом таёжный гарнизон.

Больше мы никогда не встречались.

И всё же я ей благодарен.

Лёлька не стала скрывать свою любовь, не пыталась изворачиваться, лгать.

Наверно Лёшка оказался в тот момент чем-то интереснее, ближе, потому, что был рядом.

Я сам виноват, что не сумел её удержать.

Любовь никогда нельзя отпустить от себя надолго.

Течёт река, прекрасная река

Лишь ночь, беспечно-бесконечна,

Но коротка,

Укроет нас, хоть крыть и нечем -

Не хватит карт.

Неважно кто кого разденет...

Дрожит свеча...

И гордость... и предубежденье...

Всё не сейчас...

Сола Монова (Юлия Соломонова)

Трудился я в ту пору в колхозе, во вспомогательном цехе. Бумагу резали на стандартные форматы, упаковку кроили, шили из картона для разнообразных хозяйственных нужд короба.

Заказов было – тьма, только успевай поворачиваться.

И вдруг на тебе – затишье, вроде как перепроизводство. Профком предложил десятидневную автобусную экскурсию

по Прибалтике, практически бесплатно, за тридцать процентов от стоимости, которые я незамедлительно оплатил из премиальных.

Жена повела себя несколько загадочно, – поезжай-поезжай, мы без тебя замечательно справимся. Карамелек привезёшь, чёрный рижский бальзам, янтарные бусики с паучками внутри, костюмчики ребятишкам. Себя покажешь, на мир поглядишь.

– Чего это ты такая добрая, – недоверчиво спросил я, – разве что у тебя кто-то есть, – просто хохмил, чтобы диалог поддержать. Супруга у меня женщина верная, настоящая боевая подруга.

– Ха-ха, у кого чего болит, да?

Я поехал, но странная реплика, мной же, нечаянно произнесённая, начала жить внутри сознания отдельной жизнью. Выкорчевать её волевым усилием не получалось. Что-то незнакомое в поведении супруги насторожило задним числом. Кто знает – может я просто переутомился.

Накручивать себя на пустом месте начал. Глупость, конечно.

А тут ещё такое начало происходить – волосы дыбом: добропорядочные члены советского колхозного движения, отъехав километров на двадцать от дома, начали доставать из загашников алкоголь в невиданном количестве и дефицитные продуктовые припасы, постепенно разбиваясь на сладкие парочки, словно по заранее утверждённому сценарию.

В воздухе всерьёз запахло развратом, хотя дома ни про одного из присутствующих невозможно было сказать чего-либо предосудительное.

Я, как почтенный семьянин, в процессе распития алкоголя, тем более в интимных переговорах и откровенных тёрках с сотрудницами, участия не принимал. Тема интимного цинизма и необузданной похоти всегда меня раздражала. Удивительно было то, что никто не скрывал своих пристрастий, не прятался, хотя после поездки любого из них мог сдать супругам кто угодно.

Со мной рядом сидела Лидочка Сойкина, швея из нашего цеха, которая ещё дома активно строила мне глазки. Во всяком случае, смотрела довольно странно, иногда вздыхала и не могла мимо пройти, чтобы не дотронуться.

Ничего особенного в плане интимной привлекательности, если честно, она из себя не представляла. На голову ниже меня, с короткой мальчуковой причёской, почти без талии, но с широкими плотными бёдрами и крупными ладонями. Да, молодая, да, общительная не в меру, проказница и хохотушка, но серенькая, невзрачная.

Успокаивало то, что не она меня как попутчика выбрала, сам рядом с ней уселся, без цели и умысла.

Лида меня развлекала, я осторожничал. У меня ведь семья. Да и у неё муж. В тепличном хозяйстве механиком работает, где моя Лиза огурцы круглый год выращивает. Негоже давать повод для пересудов и сплетен, хотя просто побол-

тать – совсем не грех. Дорога дальняя, за разговором короче покажется.

– Егор Ляксеич, – потешно коверкала она моё имя, – путь неблизкий, давайте дружить домами, – метала она в меня стрелы загадочного, чересчур тёплого, слишком интимного, а может быть просто задумчивого взгляда, – не кусаюсь я, мил человек, скучно всю дорогу молчать. Знаете, в стеснительности и скромности, на мой взгляд, нет ничего, что мешает общению симпатичного мужчины и красивой женщины. Напротив, эти замечательные качества потрясающе заводят, – и смотрит прямо в зрачки немигающим взглядом, словно гипнотизирует.

Хорошо, что я кое-чего про женское коварство знал. Меня соблазнять бесполезно.

Существует такой приём у профессионально флиртующих дам – пристальный визуальный контакт с мужчиной, которого хотят заарканить. Если быть точнее – бессознательное сенсорное свидание с незнакомым человеком, которое способно настолько мощно захватить внимание визави, что кое-кто полностью утрачивает связь с реальностью.

Чтобы вынырнуть из пучины нечаянного, ни на чём не основанного обаяния, выплыть обратно из заинтересованно навязчивого состояния, в котором таинственным образом отключается способность видеть и чувствовать что либо, кроме этого взгляда, может оказаться недостаточно сил.

Я много читаю. Так вышло, что буквально на днях попа-

лась на глаза статья о гипнотическом дурмане, легко внушаемом именно через зрение.

Там было написано, что интим через взгляд бывает настолько агрессивным, что в некоторых странах всерьёз обсуждают вопрос о привлечении к уголовной ответственности за приставание посредством длительного похотливого всматривания глаза в глаза, приравнивая подобное домогательство к насильственному сексу.

Кто знает, может быть, прежде мы умели безмолвно общаться через взгляд: передавать эмоции, мысли, короткие текстовые послания на расстоянии.

Может быть, кто знает! Нужно быть начеку.

Негоже отцу семейства легкомысленные интрижки с посторонними дамами разводить.

Как, скажите, можно объяснить, что задержав чуть дольше обычного встречный заинтересованный взгляд на случайном попутчике, мы способны за доли секунд вообразить, что угодно, даже спонтанно влюбиться, если предрасположены к адюльтеру или интимной романтике. Как правило, воображаемый контакт происходит в интимном ключе.

Слаб человек, внушаем.

Выходит, глаза – чрезвычайно чувствительная эрогенная зона, канал телепатического воздействия, антенна приёма-передачи гипнотического импульса, включающая эмоции страсти без нашего согласия, или некий сканирующий зонд.

Не правда ли – странно: заглянул в расширенный от напряжения зрачок, не прибегая к тактильному, эмоциональному, даже когнитивному контакту, и поплыл разумом. Или заставил переживать своего визави, движимого непостижимой магической силой, скрытыми от понимания энергиями.

Проваливаешься помимо собственной воли в необъятную бездну эмоционального потрясения, даже не сознавая, что над тобой совершили насилие.

Давно известно, что встреча с взглядом человека на обыкновенном портрете активирует участки мозга, ответственные за социальное взаимодействие, заставляя вести мысленный диалог с тем, кого с нами нет.

Что ещё способен натворить взгляд – науке неизвестно. Зато мне знакома беспредельная власть пытливого женского взора. Именно глазками околдовала меня Лиза, с которой я поныне связан священными узами законного брака, хотя само слово “брак” мне жутко не нравится: как можно дать настолько негативное определение, дающее отсылку к недоброкачественной продукции, отношениям, которые предполагается пронести через всю жизнь!

Гиппократ говорил, что брак – лихорадка наоборот: начинается жаром, а заканчивается холодом.

Если честно, Лидочка мне симпатична своей искренней непосредственностью. С такими женщинами легко общаться, но это не повод отвечать взаимностью на нескромные интимные атаки.

– Отчего вы такой пугливый, коллега, неужели я выгляжу коварной искусительницей! Не хотите откровенничать – не надо. Давайте поиграем во что-нибудь. Например, в барышню. Это такой весёлый детский диалог, – *вам барышня прислала кусочек одеяла, велела не смеяться, губки бантиком не делать, да и нет, не говорить, чёрный с белым не носить. Вы поедете на бал?*

С вас любой ответ, в котором отсутствуют названные слова и действия. Поспешаете не торопясь, только и всего. Упражнение на внимание и скорость реакции. Очень полезная тренировка. Я долго не могла вовремя сообразить.

– Помилуйте, Лидия Игоревна, это какой-то детский сад. Давайте лучше помолчим. Так хочется расслабиться, вздремнуть. Впереди столько интересных событий, а я к ним ещё не готов.

– Успеете выспаться, вы же не старик. А то, на чём нужно сосредоточиться там, в Прибалтике, экскурсоводы уже без нас продумали.

Хорошо, есть игра для взрослых, например, “к сожалению и к счастью”. Я буду оптимистом, вы – пессимистом. Я говорю, – к счастью, сегодня замечательная погода для путешествия, и для более близкого знакомства. Вы должны опровергнуть это утверждение или продолжить беседу любым способом, вставляя в диалог фразу, – к сожалению. Ну, чего вам стоит, Егор Алексеевич, уважьте даму, будьте любезны! Мне так одиноко, так грустно.

– Хорошо, попробуем. Но недолго. Что будет, если я выиграю, вы от меня отстанете?

– Поменяемся ролями, только и всего. Это не опасно, отвечаю. К счастью, вы мне симпатичны, коллега. Сижу рядом и млею. Какой мужчина оказывает мне знаки внимания, как в такого не влюбиться!

– Мы так не договаривались. Это похоже на откровенный флирт. Легкомысленные интрижки не для меня – так и знайте.

– Не кокетничайте, мой друг, это только игра, ничего более. Ну же, отвечайте – ваш фант! И, если можно, перейдём на “ты”. Чем доверительнее диалог – тем интереснее игра. Нас наверняка ждут сюрпризы, открытия. Любой вопрос и ответ может увести в такие дебри, если отнестись к игре серьёзно, конечно.

– К сожалению... ведь правильно, я так должен парировать ваш... извините, твой чересчур интимный выпад, не могу ответить взаимностью.

– К счастью, это легко исправить. Ведь я не солгала, сказала именно то, чего думаю. Чувствуешь, как занимательно бывает, когда ты вынужден следовать нелепым с виду правилам? Никогда не знаешь, в какой тупик может завести безобидное развлечение, какие варианты для милой беседы предложит.

– К сожалению... да-да, к сожалению, разделить твой оптимизм не могу. Думаешь меня ни разу не испытывали на

прочность, не соблазняли, не признавались в любви? Сколько раз. Я не азартен. К тому же беззаветно люблю жену.

– К счастью, подчёркиваю, к счастью, есть тысячи способов заставить человека думать и поступать иначе, вопреки желаниям, наперекор воле. Уговорила же я тебя играть. Да-да-да... не спорь. Твой ход, что ты на это ответишь?

– К сожалению, мне пришлось уступить, но это абсолютно ничего не значит. Учтивость – не более того. Я же мужчина.

Лидия Игоревна лукаво посмотрела не меня, улыбнулась, выставила напоказ белоснежные зубки, – Так уж и к сожалению. К счастью, нет, и не может быть окончательно тупиковых ситуаций. Симпатия – это когда нравишься. Для построения искренних интимных отношений значение внешности явно преувеличено. Любого можно обаять заботой, сочувствием, дружелюбием, нежностью. Запахом, наконец. Чувствуешь, как аппетитно я пахну? Вдохни глубже и поймёшь, как я к тебе равнодушна. Точнее – ты ко мне. И конечно, проще всего влюбить в себя взглядом.

Я вздрогнул.

Относительно взгляда всё ясно, но запах: откуда ей было знать, что я давно принимаю, наслаждаясь странным возбуждающим ароматом, исходящим от её волос, который увлекает, дразнит? Ну, нет, ей не удастся так просто со мной расправиться, втянуть в хитроумную любовную интрижку!

– К твоему сожалению, партизанская тактика эффектного соблазнения рассекречена. Зря стараешься, Лидуся. Ты

для меня просто взбалмошная девчонка... вполне заурядной, стандартной наружности. Моя жена вне конкуренции – она настоящая красавица. Это сложно оспорить.

– Уколол, уколол... довольно больно такое о себе слышать. И от кого, от мужчины, которому признаёшься в интимных чувствах. Сейчас заплачу. Лиза где-то там, я – здесь.

Я девушка внимательная: слушаю, думаю, всё вижу. К счастью, ... игра продолжается, сосредоточься, я начинаю нападать, хочу рассчитаться за оскорбление, у мужчин есть некий загадочный компас, который не даёт им возможности скрытно лукавить.

Догадался, какой!

Как бы ты не скрывал свой нечаянный восторг, а я тебе нравлюсь. Нрав-люсь, да-да!

Сидя рядом с недурной молоденькой попутчицей, пусть даже стандартной, без изюминки, пусть не такой лапочкой как твоя любимая супруга, одна не вполне согласная с твоим утверждением часть организма, вон та, – попутчица указала пальчиком направление вниз, в область, находящуюся между ног, – не способна солгать.

Лида, кокетливо сжав губки бантиком, пристально посмотрела на мои брюки, – да-да, он тебя выдал, с головой. И нечего краснеть. Это так естественно. Да и мне приятно. Сознаюсь, хотя это очень-очень нескромно. Но что поделать – не умею лгать. К счастью.

– Прекрати... те, я не хочу больше играть! Ты меня про-

воцируешь! К сожалению.

Честное слово, я не хотел произносить этой глупой фразы – она сама вылетела.

Лидия Игоревна жестами и мимикой изобразила раскаяние, молитвенно сложив ладони, – прости, ради бога прости, любимый! К счастью, нисколько не лгу, мне приятно твоё общество, нам ещё долго-долго ехать. Я успею заслужить прощение. Соглашусь, это был опрометчивый шаг, можно сказать без преувеличения – пошлый, рискованный трюк.

Но, что я могу поделать, если ты мне действительно нравишься? Ведь я нисколько не хитрила. Посмотри сам, он... именно он, этот, с твоего позволения, мощный интимный магнит, так заманчиво, так браво топорщится. Я польщена, заинтригована, очарована... его вниманием. А ты... ты бука! Наверняка его восторг вызван ароматом духов. Я сама в восторге от этого экзотического запаха. Просто мы, женщины, не настолько открыты, но мне тоже нелегко с собой справиться. К счастью.

Моё лицо горело ярким пламенем. Она меня сделала, эта пигалица! То, чего невозможно выразить словами, ей без усилий удалось транслировать при помощи мимики, дополненной красноречивым, весьма продолжительным взглядом, который что-то болезненно-яркое вытащил из тайников души.

Я был расстроен, зол, но сердце трепетало; поначалу тревожно, но с каждой минутой слаще и слаще.

Это был я, и не я. Мистика какая-то!

В голову медленно вползали весьма похотливые мысли, когда я невольно нырнул в глубину её расширенных зрачков с колдовской тёмно-зелёной радужкой.

Остановив дыхание, я с наслаждением отдался движению приливной гравитации. Если точнее, под влияние её, нечаянной попутчицы воли, о которой на самом деле не имел представления, но чувствовал каждой клеточкой возбуждённого тела, как наполняюсь неодолимо-тягучим влечением и давлением крови.

Вынырнуть из пучины нечаянного, ни на чём не основанного обаяния, выплыть обратно из заинтересованно навязчивого состояния, в котором таинственным образом отключилась способность видеть и чувствовать что либо, кроме этого взгляда и этой удивительной женщины, которая очаровывала непонятно чем.

Вернуться немедленно в прежнюю жизнь не было сил.

Минуту назад я ничего о Лиде не знал, и знать не хотел, а теперь ненасытно хотел знать и чувствовать буквально всё. Она явно мной манипулировала, но как это сладко!

Когда мы невольно влюбляемся, интимный собеседник и романтическая ситуация в целом, приобретают несоизмеримую с объективными обстоятельствами субъективную значимость. Мы боимся, что не сможем соответствовать преувеличенной важности момента, того, что не хотим упустить ускользающе малые возможности обрести пусть призрачное

и краткое по времени, но самое настоящее счастье.

Волнение заставляет совершать ошибки, граничащие с глупостью.

Ну и пусть!

– К сожалению, игра не закончена, но у меня всё же есть шанс выкарабкаться из твоих сетей. Нами, мужчинами, рулят гормоны ... заставляют чувствовать и поступать не логично. Зачем тебе всё это, Лида... к чёрту игру, мы же не дети! Я мужчина, которому природой назначено быть любознательным, разбирать всё неожиданное, новое, по винтикам, заглядывать внутрь, трогать. Ты дерзкая женщина, которой необходима интимная разрядка. Смотри, сколько желающих занять моё место. У них у всех... словно с катушек послетали, черти, сперматоксикоз, что ли инфекционный. Почему меня-то выбрала!

– *“Течёт река, прекрасная река, издалека таинственно пророчит: жизнь коротка, друзья, жизнь коротка... но, бо-же мой, она ещё короче!* “Не хочется говорить о грустном сегодня, не хочется портить человеку, к которому испытываю доверие и симпатию, настроение. Я знаю нечто, что уже убило меня, что определённо не понравится тебе. К счастью, у нас с тобой впереди десять дней, которые можно прожить беззаботно и весело. Да-да, к счастью, это так. Подари мне малюсенькую весну. Это совсем не сложно.

– К сожалению, не могу разделить с тобой блаженную трансформацию. Зимой должен идти снег и обязательно

должно быть холодно. Человек, изменивший однажды, перестаёт быть супругом, становясь не попутчиком даже – наездником. Для меня обман неприемлем в принципе. По идейным соображениям.

– Я не зову тебя в постель, Колесников. Поговори со мной, откровенничай, протяни руку помощи, которая мне крайне необходима. К счастью, именно к счастью, мы встретились. Я тобой очарована. И... не морочь мне голову, просто обними, ещё лучше поцелуй.

– Не понимаю, на что ты всё время меня толкаешь. Прекрати, Лида. У меня всё замечательно: жена, дети... квартира. Живи – радуйся. В твоей игре я однозначно проиграл, нет больше повода сказать – к сожалению. Пессимизм – довольно гадкая стратегия. Я счастлив... там, дома, тоже.

– Есть, Егор Алексеевич, есть повод для разочарования. К сожалению, не к счастью. Но об этом позже, не сейчас. Не хочу тебя раньше времени расстраивать. Расскажи, как ты понял, что влюбился в жену. Обожаю слушать волшебные сказки.

– Какой из меня рассказчик. Лиза – замечательная жена, великолепная хозяйка. До неё я не понимал, как это – купаться в любви. Наши чувства – самая важная часть восторженно изумляющейся души. И эта прекрасная родниковая часть, пусть на краткий миг, кто знает, что нас ожидает впереди, возможно, надолго или навсегда (время всё сумеет расставить по местам), чиста, честна, кристально прозрачна... и

тщательно отмыта от каких-либо опрометчивых сомнений. Я верю ей, она – мне. Разве этого недостаточно, чтобы противостоять каким угодно соблазнам?

– Да ты настоящий романтик. Неисправимый. Мне бы такую уверенность, Колесников. Я второй раз замужем, а ведь мне только двадцать шесть. Первая любовь была настолько бурной, настолько стремительной и яркой... я улетела, и не вернулась, пока милый одним неловким движением не открутил мне голову.

Просто так, для профилактики бил, чтобы показать, кто в доме хозяин.

Я не жалею. К счастью, у меня хватило мудрости переступить через незрелые чувства, которые пришлось радикально выкорчёвывать. Я долго болела, не могла понять, что сделала не так. Знаешь, отношения – неразрешимая загадка. Как снежинка на ладони: вот она была, и нету.

– Мне повезло больше. Лиза никогда не давала повода для ревности, и вообще... да я и не искал никаких вариантов. Её легкомысленная игривость не в счёт. Мне даже нравится, что на неё засматриваются, а она как бы хвостиком виляет.

Знаешь, мне одна мудрая женщина рассказывала, как можно избавиться от сильной душевной боли, от недуга, вызванного предательством близкого. Это непросто, но точно помогает. Сестра пробовала. Нужно задержать дыхание. Не дышать, пока голова не закружится, пока в глазах не начнут мельтешить цветные фейерверки, пока не почувствуешь –

ещё секунда и кислород больше не понадобится.

– Ну, чего замолчал? Продолжай.

– Хочу сам попробовать, а то... советников сам не люблю, а умничать грешно.

– Дальше чего, в чём секрет твоего волшебного метода?

– Нужно заставить себя снова дышать. Только так можно понять, что самое ценное – это сама жизнь, что никакие отношения, даже самые волшебные, самые изумительные, не могут быть важнее возможности свободно дышать. Всё когда-то конается, в том числе любовь, но это не повод сводить счёты с собой. Жизнь продолжается. Очень не хочется, чтобы дальше всё происходило без нас. Свою киноленту нужно досмотреть до последнего кадра, это будет правильно.

– Уверен, что понимаешь, о чём говоришь?

– К счастью, понимаю. К сожалению, ничем не могу тебе помочь.

– Я выплыла... сама, между прочим. Не без помощи второго мужа. Генка вытащил меня из депрессии. Я так обрадовалась, так усердно и добросовестно старалась стать счастливой, правда не сразу получилось.

Мы успевали незаметно улизнуть откуда угодно: спрятаться в постели в соседней комнате, слиться воедино в тихом уголке, отдаться в неудобной позе без разницы где, пусть даже в подъезде, причём не единожды за день.

В хитросплетениях рук, ног, разговоров, дыхания, в сладком забытии мне мерещилось истинное предназначение

мужского и женского, чудилось, что я познала в полной мере тайну самой жизни, глубинный смысл бытия. Я была бес-предельно счастлива.

Сначала, если честно, совсем не хотелось туда, в самое начало любовных отношений, где уже бывала однажды с другим мужчиной, куда приятный во всех отношениях, но совсем не идеальный любовник уверенно вёл, стремительно приближая неминуемую развязку.

Координата, где приземляется любовь, где с головой накрывает иллюзорным туманом безмерного счастья, была мне известна. Но я знала уже, что по неведомой причине морок рассеивается со временем, обнажая то, что сокрыто от опьяневшего взора.

Быть вероломно обманутой флёрот фальшивой страсти, вслед за которой подступает одиночество и неминуемое отчаяние, не было желания. Да и страшно, если честно, стать инвалидом повторно. Напустить на себя морок просто, рассеять тяжело. Мне так плохо сейчас, пожалей меня.

– Хочешь сказать...

– Именно... хочу... и говорю. Думаешь, если не видно слёз, значит, нет причины, не может быть предательства! Есть причина. Ты – моё призрачное спасение, но, пока не можешь понять, почему именно ты, потому, что не хочу убивать страшной правдой. Прости!

Меня вполне устроило бы бескорыстное таинство, основанное на доверии, на симпатии. Без примитивной физио-

логии, без художественной имитации множественных оргазмов. Просто доверься, я не сделаю тебе больно. Одно уточнение – я не сделаю больно, именно я.

– У меня голова кругом. Признаюсь, кое-что изменилось за те пару часов, пока мы играем. Никогда не думал, что меня может увлечь женщина твоего типажа. Мне всегда нравились фигуристые, стройные, с маленькой грудью скромницы... моего возраста. Яркие, сочные, с изюминкой и чертовщинкой.

– Как твоя Лиза?

– Именно она. Не поверишь, но у меня не было никогда другой женщины. Хватает одной.

– Скромная! Застенчивая, смиренная, добродетельная. Что ты вообще знаешь о жене?

– Всё, всё знаю! У нас двое детей. Мы прошли через такое... тебе не понять.

– Ладно, перебор. Конечно, всё знаешь. Но я тоже правду люблю. Иногда с удовольствием сама её сочиняю. Забавное развлечение. Знаешь, нет ничего печальнее разлюбленных мимоходом надёжных мужчин. И брошенных в стремлении отведать как можно большее число сладеньких кудесниц женщин. Шаг влево – всегда ошибка, настигающая бумерангом любого и каждого, предавшего возвышенные чувства ради примитивного инстинкта. Когда-нибудь потом обманутая любовь покажется предателям лучшим, что было в их убогой жизни. Потом. Обманутым партнёрам от этого знания не

становится легче.

– Ты говоришь загадками. Или вываливай начистоту, что нарыла, или давай сменим тему.

– С превеликим удовольствием. Однажды в жизни каждого наступает час, когда приходится избавляться от переживания волнующих эмоций. Сентиментальные романтические фантазии и сопутствующие им соблазнительные декорации – это конечно здорово, но рано или поздно с сокровенных тайн осыпается мистический флёр, а волшебное томление плоти оказывается примитивным химическим процессом.

Увы, волшебство любви теряет сверхъестественную силу, когда растворяется в постылой обыденности. Разочарование – ужасное испытание, как для мужчин, так и для женщин. Начинается поиск причин, выявление виноватого, которого как бы и нет, потому, что ага, любовь – это не игрушки, это же Любовь. Не к тебе, увы, но что делать, мы не ищем лёгких путей!

– Зачем нам говорить на темы, о которых даже думать противно. Мысли материальны. Никогда не призывай то, что способно разрушить обжитый, уютный мир. Любимым нужно верить.

– Знаешь, есть такая игра, точнее, развлечение – эхо. Кричишь любую белиберду в пустоту, и ждёшь от Вселенной ответа. Когда я узнала... нет, кокетничаю, когда увидела, и саму проблему, и впечатляющий визуальный видеоряд. Шлёп-шлёп телом о тело, туда-сюда, этаким интимный маятник. А

как изумительно чавкает... отчётливо, громко.

Она лежит спиной на огуречных ящиках – изящная, лёгкая, нагая. Стройные ноженьки порхают над головой любимого. Он как наседка над цыплятками кудахчет над ней с голым задом... и рычит от удовольствия.

Романтика, твою маму!

Настроение у меня было хуже некуда. Тоска вселенская, обида на весь мир, одиночество, отчуждение, боль.

До утра заснуть не могла. Вышла на улицу покурить, там туман. Чуть не завывала от досады и вообще от всего на свете. Они там оргазмами развлекаются, я – здесь, одна за всех страдаю, потому что опять обманута, потому что опять желание любить приняла за самую любовь.

Решила я прикольнуться, вспомнила про любимый мультик. Кричу от отчаяния в пустоту, – лошадка-а-а, ау, где ты-ы-ы, мне без тебя никак! Меня обманули-и-и!

Размытое безмолвие незамедлительно ответило, или я была так увлечена бедой, что это могло привидеться, – ёжи-и-к, это ты-ы-ы, ты меня нашё-о-ол? Конечно, я слегка перетрусилась, сразу в подъезд просочилась, уже там меня нервный смех разобрал. Конечно, я ёжик, кто же ещё? Да пошли они все! В жизни столько всего хорошего, интересного, неожиданного, увлекательного. Ты, например. Пусть развлекаются.

– Стоп! Я ведь не пьян. Ты о чём сейчас рассказывала?

– *“И бьется пульс, и тихо тает время, ржавеют в ранах позабытые ножи. Мы часто просыпаемся не с теми, и так*

наивно верим в миражи”. Поцелуй меня. Просто так, ни за что. Или потому что я хорошая. И потому, что мне больно.

– Давай сначала разберёмся, о чём ты хотела мне поведать, кудесница. Ведь ты хотела, да?

– А давай – не давай. Просто пожалей меня – вот и всё. Неужели я так много прошу?

– Лида, уже стемнело. Давай просто поспим. Тебе нужно успокоиться. Мне тоже.

– *“Будь ближе, я прочла бы по глазам, по жестам, по флюидам между нами. С тех пор, как ты ни слова не сказал, минуты превращаются в цунами*”. Давай просто дружить, Колесников. Немного позже ты оценишь моё предложение. У меня просьба. Организаторам тура без разницы, кто с кем кокетничает, кто кого насквозь проткнёт, они всё понимают. Как ты отнесёшься к тому, что мы оформим как бы семейный номер в гостинице?

– Как ты это себе представляешь?

– Элементарно. Мужчина и женщина хотят дышать одним воздухом. Что именно можно осудить? Тебе есть восемнадцать?

– Мы не одни. Здесь все всех знают. Хочешь разрушить свою и мою семьи?

– Замечательно. Тогда они наверняка в курсе некой пошлой интрижки. Кроме нас с тобой о ней все давно знают. Прости, но мне плевать, чего они могут подумать. Здесь будет такое твориться: дым столбом. На нашу маленькую се-

мейную тайну никто не обратит внимания. Тем более что я не претендую на роль любовницы.

– Хорошо. Тогда придётся определиться – почему мы должны так поступить, зачем?

– Мы с тобой, Егор Алексеевич, практически родственники. Правду хочешь услышать, не испугаешься?

– А валяй!

– Почему ты не спросил, что за кино я посмотрела там, в теплице, по какому поводу слёзыньки лью? Как бы тебя от удивления родимчик не хватил. Никогда не думал ...

– Не продолжай. Дальше не интересно. Сплетни – не по моей части. Если нет фактов – лучше не начинай.

– Голову в песок? Замечательная тактика. Мой милый забивал голы в скользкие от избытка желания ворота твоей ненаглядной Лизоньки. Темпераментно так, настойчиво, похозяйски обрабатывал лоно твоей безгрешной супружницы. Каково, понравилось! Я их не выслеживала, случайно нарвалась. Чуть не проблевалась, глядячи на сладкую парочку.

– Зачем твоему мужу Лиза, она на десять лет его старше? Да не, тебе показалось. Зачем ты так!

– Приедешь – спросишь. Можем заказать из гостиницы переговоры. Если я права – ты со мной спишь. Боишься? То-то же!

– Но я тебя...

– Неважно, просто психани. Уверяю – тебе понравится. Я сладенькая. Если надеешься, что Лизка твоя – пострадавшая

сторона, могу разочаровать. Любовь у них. Я на развод подала, ты – как знаешь. Неужели проглотишь, простишь?

– Не знаю. Ничего я теперь не знаю. К сожалению. Как же так! Семнадцать лет вместе, дети. Что я им скажу? Нет, Лида, не буду я с тобой спать. Вижу теперь, что не врёшь, а поверить не могу. Пусть сама скажет, в лицо. Тут разбираться надо.

– Ты меня просто обними. Увидишь – сразу полегчает. Думаешь, я подстроила нашу совместную поездку? Так нет, видно судьба так распорядилась. Как же мне рядом с тобой уютно!

*В рассказе использованы строки стихов Марины Фольмер.

Сказал, что я клеевая

Мёрзнет внутри душа.

"Шарф, – говорит, – надень."

Но не поможет шарф -

Это не мой день.

Ветер поёт: "Вперёд,

Вышла, и по прямой"

Думаю, ветер врёт,

Чувствую, день не мой.

Сола Монова (Юлия Соломонова)

– Люська, будь человеком – расскажи, как он. Было у вас чё? Из-под носа ведь увела мужика.

– Ага, чтобы ты потом в твиттере или стограммах про меня чего-нибудь похабное начирикала. Чай мы с ним пили... с баранками и халвой, на небо смотрели.

– Так я и поверила. Я тебе всё-всё про себя, а ты мне ни-

чего. Такая, значит, дружба!

– Да ладно. Конечно же, было.

– Колись! Только, чур, не врать. Ужас как люблю подробности.

– Ну-у... пришёл. Розы, пятнадцать штук, приволок. Красные, с кулак величиной. Шампанское. С виду настоящее. Не удалось отведать.

– Свежесть небось от букета на всю комнату! Признайся – визжала от восторга, на шею кидалась? Такого красавчика заарканила!

– Глупости. Я цену себе знаю. Какой аромат... так – ничего особенного. Рот до ушей, глаза в кучку. Уставился в переносицу, словно паралитик какой, и молчит.

– Не томи, Люсь, куда уставился-то?

– На платье наверно.

– Грудь что ли взглядом облизывал... раздевал наверно?

– Откуда мне знать. Может просто стеснялся. Ну... я и

прикололась... слегонца, ты же понимаешь.

– Типа, отдамся за умеренную цену в хорошие руки? Понимаю. Потом ужин при свечах, три аккорда на гитаре... романс о неразделённой любви с нечаянно оброненной слезинкой, “*a напоследок я скажу-у-у...*”, как ты умеешь: с чувством, с толком, с расстановкой. Даже я иногда рыдаю. Плакал наверняка, в ногах валялся, клялся в вечной любви. Ведь клялся, да? Люська... ты просто суперская!

– Готовила я. Утку по пекински, салат “Любовница”, королевскую ватрушку размером со сковородку.

– С ватрушкой ты здорово придумала. Тонкий намёк на толстые обстоятельства. Инь-ян... сунь фал в чай вынь-сухим. А он... со спины такой подкрадывается, поцелуй в ямочку на плече, ты дрожишь, ... он руку нагло в запретную зону. Ещё бы: фигурка у тебя аппетитная. Губами ласкает шею, ушко языком теревит. Ты вся потекла. Стонешь вполголоса, цену набиваешь. Завидую. Каков, шельмец! И ведь не скажешь, что хват. Что дальше-то было? Танцевали вприкирку... или того... сразу в постель?

– Музыка слушали. Цоя. Когда твоя девушка больна.

– Клюнул? Меня бы кто так вылечил!

– Шампанское минут двадцать открывал. Облил с ног до головы.

– Как романтично! Разделись, конечно, и под душ. Он тебя пеной, интимный массаж. Безумно люблю заводиться под душем. Офигеть! Дай руку, слышишь, как сердце стучит! Стихи ему читала?

– Как бы да... пока он пол протирал.

– Какой нафиг пол, когда эмоции бурлят, когда любви хочется! Свои стихи-то читала или те, дай вспомню: *“голова предательски горяча, ты лежишь в рубашке с его плеча, он в своей дали допивает чай, красный «Marlboro» мнёт в руке. Наливает виски и трёт виски, защищаясь рифмами от тоски, разбивая вдребезги ветряки в неудобном своём мирке. За окном туман, впереди рассвет, из душевных ран льётся маков цвет, вытекает жизнь, исходя на нет, но не им будет сорван куш. Ядовитым дымом струится ночь, в кружке горький чай, а в стакане скотч...”* забыла, что там дальше. А, неважно. Романтика на грани. Даже я поплыла... представляю, что он с тобой творил. Дальше давай, не томи... из тебя клещами тянуть надо?

– Так нечего рассказывать. Утку целиком схотмячил, пол-

часа в салате ковырялся. Нахваливал. Потом кофе попросил.

– Силушку богатырскую наедал. Понимаю. Ну-у! Это всё прелюдия, присказка, так сказать. Сказку давай. Сама сказала – было. Что именно было, как?

– Выпил кофе. Три чашки. Взял за руку, в глаза смотрел. Долго-долго.

– Дальше, дальше, что? Наверняка до утра куролесили... кровать-то целая! Предохранялась, тест сделала?

– Сказал, что ещё придёт. Хозяйка, мол, я хорошая. Как мама готовлю, даже лучше. В щёку чмокнул. И ушёл.

– Да ладно! И всё?

– Нет, не всё. Ватрушку попросил с собой завернуть. Сказал, что я клёвая.

*В миниатюре использованы стихи Алексея Порошина

Стихи и проза

Смех серебристый и запахи камеди

В небо взлетают рассветно-глубокое,

Сколько бы сердце ни билось, а в памяти

Влажные губы и взгляд с поволокою...

Алексей Порошин

Юное районное дарование, (так его обычно представляли в редакции, когда нужно было кого-нибудь послать на совещание, симпозиум или слёт, потому, что он единственный был холост и не имел супружеских, семейных обязательств) Алексей Вениаминович Пестриков, корреспондент, ведущий в газете отдел культуры и литературную страничку, находился на грани психического срыва.

Местные “знаменитости” присылали обычно стихи залихватские, разухабистые и странные. “Сенокос на лыжах”, “Весенний листопад”, “На свалке грёз”, “Причёска людоеда” – так по большей части назывались лирические шедевры, которые Лёша находил в конвертах.

Тем не менее, с него требовали, чтобы стихи и новеллы появлялись в газете как можно чаще.

Приходилось создавать лирику и пафосные вирши на коленке, подписывать их вымышленными псевдонимами и публиковать.

Получалось неплохо, особенно романтические миниатюры, вдохновенные патриотические зарисовки и юмористические новеллы.

Потом он издали влюбился в Катеньку Суровцеву, комсомольскую активистку, и всё пошло наперекосяк. Лёша больше не мог ни о чём другом думать, кроме шустрой пигалицы, её бездонных насмешливых глаз, волнообразных очертаний стана, губ вишенок и мелодичного голоса.

Стихи он стал писать втрое чаще, но выставить напоказ не решался, потому что вкладывал в них душу, выворачивая наизнанку насыщенные эмоциональные состояния вперемежку с мечтами и фантазиями.

Произведения выходили настолько интимными и чувственными, что делиться ими с кем-то было страшно: вдруг не поймут, вдруг осудят.

Пылкие переживания одолевали влюблённого графомана и днём, и ночью. Из-под его пера то и дело выходили настолько щемящие строки, что держать их в секрете не было сил.

Алексей Вениаминович начал тайно посылать стихи, отпечатанные на машинке в редакции, Катеньке, подписывая их псевдонимом Роман Мякишев.

Отослав первое письмо он, как бы случайно, встретился с Катенькой, чтобы по косвенным признакам и уликам понять, как девочка отнеслась к его искреннему признанию.

Особенных поводов для делового свидания искать не пришлось: ведь он корреспондент, к тому же член бюро райкома комсомола.

Катенька не прятала взгляд, не робела, уверенно и ловко расправлялась с вопросами, которые Лёша вымучивал, старательно отыскивая признаки влюблённости, или хотя бы небольшого интереса к себе, влюблённому, посылающему такие замечательные стихи.

И не находил. Улик не было.

Он был застенчив и робок, напуган нежными чувствами, воспринимал каждую встречу, как настоящее романтическое свидание. Тайное.

Рядом с ней краснел и потел, тайком разглядывая нежные пушинки на щеках, прозрачные раковины ушек, капельки влаги на губах, изысканный изгиб шеи, разлапистые реснички, косы, которые были полной экзотикой для текущего времени.

Ниже плеч Лёша смотреть не решался, поскольку мерцающая аритмия сердечных ритмов и без того могла привести к полной остановке дыхания, обжигающе горячего и прерывистого, как у человека, которому суждено с минуты на минуту предстать перед создателем.

На Катеньке был открытый лимонного цвета сарафан на тонюсеньких бретельках, вздымающийся спереди на вибрирующих от каждого движения холмиках с рельефными виноградинами сосков (о, боже), которые юноша приказывал себе не замечать.

Однако это было задачей поистине непосильной: магнетизм и гипнотизм девичьих особенностей не давал шанса остаться незамеченными. Они манили.

Сознание влюблённого разделилось на три самостоятельных ответвления, одно из которых задавало глупые вопросы, второе думало о возвышенном и прекрасном, а третье... третье не могло отделаться от желания заглянуть за пределы

запретного, смаковало и оценивало все без исключения интимные подробности.

Лёшка не хотел, не имел права засматриваться на свою музу, на девочку, которую боготворил, с точки зрения, так властно щекочущей нервы, но всё равно возбуждался, замечая, как просвечивает насквозь её ушко, как шустрый язычок облизывает губы, как женственны и соблазнительны плавные жесты, как чувственно колышутся упругие полушария.

Не было ни одного намёка, ни единого признака того, что интимная энергетика лирических признаний достигла цели. Катенька вела себя обыденно, непринуждённо как ребёнок.

Это было обидно, досадно, и в тоже время вдохновляло. Непонятно, чего было больше.

Лёша не нашёл ничего лучше как попросить ответить письменно на список вопросов. И если не трудно, принести их в редакцию. Перевести общение в иное русло он не смог, отчего сильно страдал и огорчался.

За спиной у парня было двадцать три года, три безуспешных попытки наладить отношения с девочками и ни одной серьёзной влюблённости. Он не знал, как поступать правиль-

но, как обозначить интимный интерес, как сделать первый шаг, чтобы не испугать, не обидеть.

Рифмы и ритмы всплывали в уме, складывались в строки, но они не воспевали любовь, не призывали к действиям, не утешали: они стонали, жаловались, печалились, взывали, плакали.

Сегодня, не получив ответ на свой безмолвный призыв Лёша бесцельно брёл через поле, потом по лесной тропе, залез в какие-то дебри, провалился в болотную трясиину, вымазался с ног до головы, искал, где можно ополоснуться, долго, пока не застыл, плавал прямо в одежде, потом обсыхал, пока не опустились густые сумерки.

Не помогло.

Он чувствовал себя заброшенным, одиноким и несчастным, хотя сам ничего не сделал для того, чтобы приблизиться к мечте хоть на шаг.

Однако утром Лёша решился опустить в почтовый ящик конверт, в который поместил большую часть стихов, которые озаглавил – “Посвящаю любимой”, но опять подписался псевдонимом.

Если и теперь не поймёт, не почувствует, думал он, значит не судьба.

Странные люди эти влюблённые: они почему-то считают, что их эмоции и фантазии – открытая книга.

Ночью Лёша сочинял баллады и сонеты, днём грезил наяву, и всё ждал, ждал, когда же девушка наконец разглядит в нём того самого единственного, без которого жизнь не в радость.

А Катенька всё молчала и молчала, хотя не раз и не два заходила к нему в редакцию, приносила материалы для публикаций, отвечала на вопросы.

И ведь видела, видела, с каким обожанием Лёшка на неё смотрит, как мается неопределённостью, как много всего хочет ей сказать, но не может... потому, что боится разрушить мечту.

И ведь решился почти парень на серьёзный разговор, даже сценарий диалога написал, перед зеркалом репетировал в лицах: признавался, убеждал, спорил.

Всё портило это “почти”.

Каждый раз Лёша натыкался на непреодолимое препятствие, отступал, клялся, что завтра, максимум послезавтра, что через неделю железно признается, даже если Катенька посмеётся над ним.

В один из таких дней его вызвал редактор и будничным голосом поведал, что по партийной разнарядке район должен послать на областной слёт молодых поэтов самого талантливого. Альберт Иванович сдвинул на нос очки и сурово посмотрел Лёше в глаза.

– Надеюсь, ты понимаешь, насколько это важно. Сам, сам, понимаешь ли, звонил, от-ту-да, – показало пальцем вверх начальство, – не подведи.

Лёша пытался отказаться, привёл тысячу с хвостиком аргументов, но редактор был непреклонен.

– Зайди в бухгалтерию, получи командировку, деньги и готовься. Готовься! Не посрами честь родного коллектива. Ты же можешь, я знаю. Справишься? Хм... ато!

Алексей расстроился, но перечить не посмел. По пути домой он остановился у витрины фотоателье и увидел портрет.

Это была она, точнее её, Катеньки Суровцевой, изображе-

ние. Девушка вполоборота сидела на стуле, одной рукой игриво теребила закинутую на грудь косу, другая была свободно опущена между ног.

Тонкое платье, оголённые ноги, довольно откровенно открытая грудь, рельефно выступающие ключицы, ямочка на подбородке, вопросительная улыбка, открытые ушки, поцелуйные губы...

Глаза на портрете были живые: о чём-то важном спрашивали, следовали за направлением его взгляда и манили, манили.

Лёша зашёл в мастерскую, представился и попросил, если можно, он готов заплатить, сделать десять таких портретов. И ещё один как можно крупнее.

Пожилой мастер улыбнулся, пожевал усы, – понимаю. Как вы понимаете, молодой человек. И конечно вы хотите, чтобы это осталось в тайне. Заходите вечером, часиков в шесть.

– Не могу, уезжаю в командировку. Приеду дней через восемь. Если бы сейчас.

– Сейчас могу уступить этот, с витрины. Хотите, забирайте прямо с рамкой.

В поезде Лёша перечитывал собственные стихи и смотрел на любимую. Какая же она хорошенькая!

Участников слёта собрали в здании областного комитета комсомола, потом погрузили в туристические автобусы и повезли в старинную усадьбу, похожую на музей, которая было перепрофилирована для организации конференций и симпозиумов.

Два дня литераторам выделили для предварительного знакомства, на третий был арендован речной круизный теплоход, на котором в торжественной обстановке должны были состояться основные мероприятия с участием телевидения.

Лёшу поселили с удивительно общительным юношей, Геннадием Саламатиним, который был в курсе всего происходящего.

Официально участников слёта пока не знакомили. Был постоянно открыт бар с живой музыкой. Две девушки и два парня играли на десятках инструментов без устали.

Из спиртного были только слабоалкогольные коктейли, которые не вставляли, но публика была тёртая, у каждого в багаже лежали бутылки с горячительным.

Обстановка с самого начала сложилась дружественная, раскрепощённая. То и дело кто-то со сцены декламировал стихи. Чаще всего микрофон брала интересная девушка с эпатажной внешностью.

Она закрывала глаза, оаскачивалась в такт заказанной музыкантам мелодии и читала, читала.

У неё был очень чувственный голос. Не слушать её было невозможно. Зал замирал. У Лёши по коже прокатывались мурашки, запирало дыхание. Стихи были так созвучны его настроению, так растревоживали душу.

– Нравится! Ещё бы. Это же сама Вера Зарубина, восходящая звезда. Весь этот слёт собственно для неё. Конечно, она бесспорный талант, но главное – её папочка, имеющий связи на самом верху. На теплоходе про неё документальный фильм снимать будут. Может, и мы в кадр попадём. Ладно, не бери в голову. Лучше по сторонам смотри. Ты уже выбрал?

– Чего?

– Чудик ты, Лёха. Смотри сколько соблазнительного бабья. Поэтессочки, красотулечки, лапочки, ух-х! Лови мо-

мент. Они же все немножечко чокнутые, чувствительные не в меру. Это нам на руку. Выбирай любую и пользуйся, трись. Пальчиком помани, сладенько спой в ушки, и откусывай помаленьку, наслаждайся. Вон ту фигуристую блондиночку, Риту Плотникову, видишь? Её не тревожь – моя, остальных пока можешь упаковывать. Усёк, поэт? Праздник у нас!

– Я не по этой части. Честно говоря, очень не хотел сюда ехать, приказали. У меня любимая.

Компания час от часу веселела, поднимая себе настроение всё более близким общением, алкогольным градусом, хулиганистыми частушками, провоцирующими снять интимную пробу, и танцами, которые сами по себе были эротической рекламой.

Со временем реалии происходящего в головах танцующих размылись настолько, что почти все участники потеряли представление о наличии комплексов, заместив их смутными желаниями, которые теперь обретали форму, и определяли вектор поведения.

Стесняться в такой горячей компании не было смысла.

Лёша устал, ушёл в свой номер, разделся и лёг, только спать не получалось. Он долго всматривался в потрет люби-

мой, беседовал с ним, потом выключил свет. В это время в номер громко ввалился Генка.

– Поэт, ты спишь?

Лёша промолчал.

– Вот и чудненько. Ритулечка, проходи. Какая ты славная, какая расчудесная, какая горячая! Я в тебя сразу влюбился. Устала наверно.

Девушка хихикнула, уверенно присела на широкую Генкину кровать. Щёлкнул ночник, который парочка тут же завесила полотенцем, чтобы не очень сильно светил в глаза. Они долго шептались, громко чмокали поцелуями, кричали, напряжённо дышали, отчего воздух вокруг шевелился, вибрировал и искрил.

Слышно было, как растёгиваются молнии, как щёлкают резинки трусов, как натужно скрипит под тяжестью тел гостиничная кровать.

Время от времени раздавались размеренные шлепки тело о тело и приглушённые стоны.

Лёша пытался сосредоточиться на слёте, на Катеньке, придумывал новые рифмы, но напряжение, в котором он

пребывал, которое не отпускало, ни на минуту, не давало шанса расслабиться и заснуть.

И всё же, он забылся на время. Ему привиделась Катенька: милая, воздушная, почти нагая. Она бежала навстречу босиком по цветущему лугу в развевающемся прозрачном платье, сквозь которое просвечивало упругое тело, с раскрытыми объятиями, и что-то кричала.

Воздух был напоен ароматом мяты, бергамота, густым запахом смеси лавра и мускуса.

Добежать друг до друга они не успели: что-то тяжёлое грохнулось оземь, отчего видение скукожилось и растаяло, а Лёша открыл глаза.

Раздосадованное, разбитое почти бессонной ночью юное дарование повернулось на резкий звук. На полу в свете ночника забавно чертыхался голый Генка, упавший почему-то с кровати, на которой спокойно посапывала столь же откровенно нагая Рита Плотникова.

*****

Трепещущие пламенем тела,

Уставшие от длительных разлук,

Желающие ласки и тепла,

Касаний губ, прикосновений рук..

Сверкают в небе зарева зарниц,

И смерч несёт, захватывая, ввысь

Я у твоих колен простёрся ниц

И умоляю сердце – не взорвись!

Алексей Порошин

На следующую ночь Генка самозабвенно кувырчался в постели с Ирочкой Славиной, застенчивой мышкой, которая на людях стеснялась даже откровенного взгляда. Зато в постели недотрога брыкалась и воплощала в жизнь совершенно безумные эротические фантазии как настоящая фурия, показывая чудеса растяжки и пластики, совершенно не обращая внимания на присутствие рядом постороннего мужчины, всего в трёх метрах от интимного ристалища.

Лёше было противно: такие отношения между женщиной и женщиной противоречили его представлениям о любви, но ложное понятие мужской солидарности не позволило ему поставить вопрос ребром.

Опытный ловелас Генка чувствовал, что Лёшей запросто можно манипулировать и беззастенчиво пользовался этим обстоятельством. Поэтому он был никаким, зато слабости человеческие использовал виртуозно.

На теплоходе они тоже попали в одну каюту, что не сулило ничего хорошего, тем более что ассортимент чувствительных особ пополнился вновь прибывшими поэтессами. Но Лёша не умел сопротивляться, не научился до сих пор говорить – нет.

Официальное открытие слёта состоялось сразу после обеда в большом актовом зале, освещённом многочисленными софитами и утыканном камерами. Лёше стало не по себе. Он пожалел, что согласился представлять себя поэтом, пусть даже и молодым.

Первой долго и чувственно выступала Зарубина, которая сегодня пребывала в особенно эмоциональном образе, дополненном необычным "летающим" платьем тёмно-серого оттенка, добавляющим ей таинственности и шарма.

Верочка драматично заламывала руки, подыгрывала себе мимикой, жестами и выразительными движениями тела.

Её снимали одновременно с нескольких ракурсов, разно-

образя сцену звуковыми и световыми эффектами, музыкальным сопровождением. Это было завораживающее представление, похоже, отрепетированное заранее.

На фоне Верочкиного спектакля все остальные участники выглядели серой графоманской массой.

Когда дошла очередь до Лёши, он решил отказаться декламировать свои произведения, которые посчитал недостойными называться поэзией. Чтобы долго не объясняться, он сказал, что записи пропали, а по памяти он читать не может, однако организаторы тут же достали папочку с копиями произведений, которые сделали при регистрации участника слёта.

Пришлось выходить на сцену.

Лёша переключал листки с текстами в попытке успокоиться. Первое стихотворение безбожно скомкал срывающимся голосом, потому что понимал – это публичное признание в любви, к которому он готов не был, но зал отчего-то заплодировал.

Реакция слушателей удивила, но давала понять, что стихи его не совсем безнадёжны, ведь другим чтецам внимания отчего-то не досталось.

Алексей увлёкся, по примеру Верочки Зарубиной прикрыл глаза, представил, что разговаривает Катенькой, что откровенно признаётся ей в своих романтических чувствах, не стесняясь о них заявить кому угодно, пусть даже на всю Вселенную.

Слушатели взорвались овациями. Это было так необычно, так странно, что Лёша убежал со сцены и долго не мог успокоиться.

Ему казалось, что над ним смеются, но это было совсем не так. Организаторы приняли решение коротко показать в новостях открытие слёта, фрагмент профессионально поставленного выступления Веры Зарубиной и его, Алексея Пестрикова безусловный триумф.

Лёша узнал об этом только на следующий день, а Катенька...

Девушка сидела в кресле у телевизора, но занята была чтением “своих” стихов, которые казались ей поэтическими шедеврами. Никто из её знакомых не мог похвастаться тем, что специально для них сочинили серию душещипательных миниатюр, в которых легко можно было понять, кто именно вдохновил поэта.

Катя не знала, что Алексей уехал на слёт. На областные новости на экране она не обратила внимания. Стихи Веры Зарубиной были лишь фоном, но на знакомую фамилию и Лёшин голос девушка отреагировала сразу, уставившись в экран, где Алексей Вениаминович вдохновенно читал стихи... посвящённые ей. Именно те, которые она сейчас держала в руках.

Девушку словно током ударили. Она переводила взгляд с экрана на лист бумаги и не могла поверить в то, что здесь и сейчас ей признаются в любви на всю область, а может и на всю страну.

– Мама, мамочка, иди скорее сюда, он мои стихи читает.

– Кто он? Доча, мне некогда. Какие ещё стихи?

– Да он же, он, Лёша... из газеты, я тебе про него рассказывала. Он мои стихи читает, которые по почте пришли. Понимаешь, мама, он их мне читает. Он всем-всем признаётся, что любит меня, понимаешь... а мне... мне, мама, он ни слова не сказал. Почему?

– Тебе представляется, доча, что это так просто – признаться в любви? Мужчины ведут себя как капризные малы-

ши, когда влюблены по-настоящему. Они, девочка моя, боятся как огня, что им, таким сильным, могут сказать нет. Ну и что думаешь по этому поводу, как поступишь?

С девочкой происходило нечто невероятное. Она сразу, сразу всё поняла. Всё-всё: зачем он к ней приходил, почему так настойчиво пытался встретиться взглядом, почему так странно себя вёл. Всё-всё поняла и обомлела от этой догадки.

Он же её любит! По-настоящему любит, только робеет признаться. А ведь Лёша ей давно нравится. Катя подумать не смела, что способна увлечь такого парня.

Катенька закрылась в своей комнате и ревела... ревела от счастья.

Мысли девочки неслись вскачь, разжигали из малюсенького тлеющего уголька симпатии кострище из чувств и эмоций, которое разгоралось всё сильнее, вызывая противоречивые ощущения: от неудержимого ликования и восторга до сомнений и безотчётного страха.

Катенька не успевала насладиться бурным воодушевлением и связанными с ним сладостными фантазиями как на смену полёту и парению в вышине над Вселенной в мятун-

щемся сознании высевались семена неуверенности, стремительно прорастающие мучительными сомнениями и сопутствующей этим состояниям леденящей паники.

Разве так бывает, думала девочка, только что ничего не было, даже влюблённости и вдруг самая настоящая любовь, да какая! Ощущения были настолько неожиданными, до того захватывающими, что с ними невозможно было справиться в одиночку.

Катеньке захотелось немедленно объясниться, тотчас увидеть его, хотя бы по телевизору, если нет возможности встретиться.

Катенька плакала, танцевала, целовала листочки со стихами, представляла, что кружит сейчас не одна, а с ним, с любимым, отчего сердце выпрыгивало из груди.

А если это просто игра, спрашивала она себя? И тут же противоречиво заявляла, – ну и пусть, зато я его люблю, люблю и никому не отдам.

Они ни разу не разговаривали о чувствах, ни разу не были на свидании, ничего друг о друге не знали, а в девочке уже проснулась первобытная страсть и чувство ревнивой собственницы. Как же это право странно.

Лёша об этом даже не догадывался. Ему досаждали поздравлениями. Все просили написать какое-нибудь стихотворение, заверить его автографом, что было довольно приятно, но агрессивное внимание раздражало.

На танцевальную вечеринку юноша не остался: тихо улизнул при первой же возможности и сразу улёгся в постель, положив под подушку исцелованный, засмотренный едва не до дыр портрет.

Ночью Генка привёл очередную развесёлую пессию, изрядно пьяненькую и абсолютно не стеснительную.

На этот раз приятель ничего не спрашивал: пребывал в алкогольной эйфории, поэтому раздеваться парочка начала немедленно, хотя Лёша наблюдал за процессом обоюдного соращения. Он уже начал привыкать к близости совокупляющихся парочек.

Свет был выключен, но иллюминация на палубе замечательно подсвечивала взрослые игры. Воздух моментально насытился термоядерной смесью запаха приторных духов, пота и похоти, сквозь которую то и дело выстреливали молниями разряды сексуальной энергии: невыносимое испытание для того, кому суждено быть невольным зрителем.

Генка с компаньонкой старательно раскачивали каюту, многозначительно шептались. Слава богу, что на этот раз поединок закончился довольно быстро. Тем не менее, Лёше было неуютно и грустно, что люди могут иметь такие извращённые понятия о любви, самой светлой и яркой стороне жизни.

Он понимал, что постельная акробатика тоже часть любви, но до физической близости необходимо сначала пройти через бескорыстную дружбу, через платонические отношения. Нужно узнать друг друга, научиться доверять, уступать; понять, насколько друг другу необходимы и дороги, стать единым целым духовно и лишь тогда, если конечно слияние станет необходимой частью общения, можно открыть последнюю интимную тайну.

А так, ради высекания нескольких тлеющих искорок, которые зажечь ничего не способны, лечь в постель с первым встречным, довериться его беспорядочной непорядочности...

– Нет, Геныч, дурак ты, циничный и беспринципный коллекционер вульгарных излишеств. Не суждено тебе познать прелесть непорочной влюблённости, романтических переживаний, искренних чувств.

На обратном пути Лёша прикинулся больным, попросил поселить в отдельной каюте. Генка взрослый мужик, пусть сам решает, кого и как любить.

За три дня Лёша насочинял целый блокнот рифмованных строк и письмо написал.

“Милая Катенька. Не знаю отчего, но никак не могу решиться заговорить с вами о главном. Важном для меня, поскольку схожу с ума от вашего безграничного обаяния. Поверьте, мне очень сложно признаться в любви, но если не сделаю этого сейчас, если утрачу окончательно шанс стать самым счастливым человеком на свете ...”

На одной из экскурсионных стоянок Лёша купил заказной конверт с марками для отправки. Письмо и тщательно переписанные стихи с признанием своего авторства были запечатаны, но так и не отправлены.

В редакции была подготовлена встреча с читателями, на которую пришли партийные и комсомольские представители. Встретили Лёшу с помпой.

Зрители рассчитывали на столь же эмоциональное выступление как в телевизионном репортаже, но виновник торжества не доставил им особенного удовольствия, лишь сбив-

чиво и вяло рассказал в общих чертах о слёте да прочитал без выражения одно единственное стихотворение.

Тем не менее, пришлось подписывать целую кипу фотографий, которые заботливо заготовили в редакции по указанию из райкома партии.

Одна из последних почитательниц подала конверт. Лёша, не поднимая головы, спросил, кому

адресовать автограф.

– Суровцева... Катя. Вы, конечно, можете поставить автограф, но это письмо адресовано вам.

Лёшу пронзило осознание, что с ним разговаривает она, Катенька. А ведь у него тоже есть для неё письмо.

– Извините, Катенька. Не видел вас в зале. Письмо от вас? А у меня... знаете, у меня тоже для вас послание. Очень важное. Только не читайте его здесь.

– Ты тоже, Лёша, здесь не читай. Не спрашивай пока ничего, хорошо? Вечером поговорим.

– Вечером! Где, где, Катенька!

– Я всё написала. До встречи... Лёша... я буду... буду с нетерпением тебя ждать.

Трудно быть богиней

Я, наверно, слишком часто плачу,

Слёзы накликают неудачу.

Слишком мало счастью доверяю

И его доверие теряю...

Счастье любит смелых и отчаянных,

Вечно опечаленных боится.

Им оно не дарит встреч нечаянных,

Им оно во сне – и то не снится!

Вероника Тушинова

Лариса ехала в переполненной маршрутке, которой управлял довольно нервный водитель, на собеседование по поводу трудоустройства, пытаясь на ходу подготовить себя к любым, даже самым неожиданным и нелепым вопросам работодателя.

Она устала от мизерной зарплаты на нелюбимой работе, от отвратительного отношения к персоналу начальства, от непосильных, не соответствующих штатному расписанию профессиональных требований. Не меньше раздражала бытовая неустроенность, странные в последнее время, накалённые до предела отношения с мужем.

Было видно, что в недавнем прошлом этот лихой житель гор, гнавший сейчас автомобиль, словно на ралли где-нибудь в пустыне, так же азартно ещё недавно скакал на лошади по ущельям меж скал.

Вирази микроавтобус закладывал поистине гоночные, соревновательные. Машину немилосердно мотало из стороны в сторону.

Хорошо хоть юноша с футляром в руках от какого-то небольшого струнного инструмента уступил ей сидячее место. Теперь будущий лауреат чего-нибудь очень музыкального уставился на неё, тарашится, не отрывая глаз, и пускает слюни.

В другое время Лариса могла бы обрадоваться такому пристальному вниманию юного дарования, внешность его была весьма привлекательной, только не сейчас, когда созна-

ние раздирают на части десятки неразрешимых проблем одновременно.

Подобным образом она трудоустраивалась впервые, совсем не представляла, как себя вести, что именно хотят от неё услышать, какие сюрпризы в итоге способны преподнести. Работодатель нынче пресыщенный, желающих занять практически любую вакансию больше, чем требуется.

Неблагоприятные обстоятельства выбивали из колеи, заставляли нервничать, а тут ещё нечаянный воздыхатель, и сумасшедший водитель.

Ещё неожиданный вопрос девушки, которая разговаривала с ней по телефону. Задав несколько странных вопросов, она обронила пару фраз, вызвавших беспокойство, – жаль, что вы женщина. Скажите, вы симпатичная, привлекательная?

Почему жаль! Эта фраза отнимала надежду, которая и без того висела на волоске.

Что касается привлекательности, это был вопрос, на который она не могла ответить иначе, как в неопределённой форме.

Раньше, до замужества, Лариса была твёрдо уверена в своей неотразимости. Разглядывать себя в зеркало она любила. Причём, неизменно отмечала, какая же прехорошенькая девочка смотрит на неё из блестящего пространства напротив. Разве что небольшие детали казались чужеродными на прелестном личике.

С фигурой Ларисе и вовсе повезло. Этого не отрицали даже злючки и завистницы.

Но это было совсем в другой жизни.

За два года супружества горячо любимый муж опроверг её мнение относительно массы привлекательных анатомических особенностей лица и силуэта, а также характера, которые она считала неотразимыми изюминками своего скромного обаяния.

Степан то и дело вызывал сомнения в реальности притязаний жены на привлекательность, открыто сравнивал отдельные черты лица, особенности фигуры с понравившимися деталями у подружек и просто у случайных прохожих.

Он то и дело обращал внимание Ларисы, то на объёмные груди, то на тугие попки, обсуждал походки всех встреченных по пути девчонок, их привлекательность, улыбочивость,

прицокивая при этом в особых случаях языком, разводя руками, что девушка однозначно принимала на свой счёт, как критику.

Цепкий взгляд Ларисы старался запоминать нюансы его вкуса. Она пыталась соответствовать видению мужа о привлекательности в меру ограниченных возможностей собственной внешности, косметики и личной дизайнерской выдумки.

Теперь она не могла вспомнить, как выглядела тогда, в самом начале.

Постоянные изменения внешности вызвали постепенное привыкание к навязанному супругом стандарту, нивелировали вкус, который у неё когда-то был. Теперь Лариса в этом не уверена. И вообще, как-то всё зыбко стало в её жизни, неправильно. То, о чём она мечтала всего два года назад, было явным преувеличением. Жизнь оказалась намного циничнее.

Девушка сама теперь не понимала, нравится ли себе такой, сегодняшней, или уже нет.

Косметические примочки и хитрости макияжа изменили её внешность до неузнаваемости. В некоторой мере, накра-

шенной Лариса выглядела куколкой.

Она привыкла к нарисованной внешности настолько, что перестала воспринимать себя без неё.

Лариса давно не позволяла мужу или кому-то ещё лицезреть себя до процесса художественной обрисовки лица.

По этой же причине ей пришлось полностью отказаться от таких радостей жизни как походы на природу, от весёлых ночёвок у друзей, от банных процедур, даже от фитнеса.

Встретив Ларису в первозданном виде, мало кто смог бы с уверенностью сказать, что знаком с ней.

Молодой человек с музыкальным футляром глядел на неё с умилением и долей нежности. Это было заметно. Но, это же обстоятельство и злило.

– Какого чёрта пялиться на растрёпу!

Столько времени было потрачено, чтобы привести себя в божеский вид, который можно эффектно предъявить работодателю и вот, из-за неуравновешенного джигита-водителя теперь придётся искать укромное место, где можно в спокойной обстановке дорисовать макияж, уложить выбившие-

ся локоны.

Ещё этот созерцатель, явно увидевший в ней соблазнительный сексуальный объект.

– Стоит, зараза, балдеет, ловит эмоциональную сладость, и эротический кайф. Тьфу на тебя, музыкант! Ну, отвернись же, без тебя тошно.

Юноша послал Ларисе очередную улыбку, достал из нотной папочки лист, расчерченный под запись музыкальных ритмов, изобразил несколько крупных размашистых знаков и что-то коротко написал.

Девушка отвернулась. Молодой человек сложил лист пополам, опустил записку на её колени, и двинулся к выходу.

Первой реакцией было засунуть листок ему в карман. В это время машину тряхнуло, лист чуть не свалился.

Пока она ловила бумагу, маршрутка резко остановилась. Стоящие попадали вперёд. Кто-то кому-то причинил боль. Последовала возня, крики, ругань.

Через несколько мгновений автобус тронулся вновь. Юноша махал правой рукой, неловко прижимая инструмент к

груди.

Лариса раскрыла лист. В нём была непонятная ей музыкальная фраза, и надпись “Я влюблён, восхищён, очарован!!!” Чуть ниже телефонный номер и имя – Марат.

В глазах защипало. Только этого ей не хватало, сентиментальной дурочке.

– Очарован он... ещё бы, изо всех сил старалась усладить взыскательный вкус работодателя.

Знаю, если мужчина признаётся в любви, обещает проводить, восторгается внешностью женщины, дарит ей цветы, это совсем не значит, что их мысли и желания совпадают. Она хочет любви, он – секса.

Лариса совсем не девочка, сколько раз уже попадалась на эту хитроумную удочку.

Однако взор её затуманило, грязными разводами потекла тушь.

Катастрофа!

Девушка отчаянно хлопала глазами, пытаясь не разре-

веться.

Несмотря на раздражённое состояние, Лариса вытащила из сумочки новенький файл, предварительно оглядев пассажиров (не следит ли кто за ней), аккуратно поместила туда расправленный лист и начала пробиваться к выходу.

До назначенного времени оставалось пятнадцать минут.

Лариса зашла в кафе, юркнула в туалет, начала лихорадочно колдовать над внешностью, невольно вспоминая записку, юношу, удивительно нежную фразу.

Она даже не заметила, как привела себя в порядок и успокоилась.

Посмотрев на себя в зеркало, Лариса к своему удивлению увидела симпатичную, улыбающуюся себя. Совсем незнакомую, похорошевшую.

– Стёпка, балбес ты, однако, совсем не разбираешься в красоте и привлекательности.

В офисе её ждали. Собеседование проходило довольно оживлённо. Претенденты на вакансию вели себя непринуждённо, угощали друг друга кофе, пирожными и конфетами,

отчаянно шутили.

– Как жаль, – закончил беседу руководитель мероприятия, – на самом деле вы прелесть, я мечтаю о такой изумительной сотруднице. Если бы вы были мужчиной, взял бы вас на работу, абсолютно не задумываясь. Увы, вы можете с уверенностью сказать, что не захотите через полгода... или даже меньше, родить малютку? Конечно, нет. Мы фирма молодая, начинающая. Нам нужен выносливый тяжеловоз, а не грациозный скакун. Извините, что отняли у вас столько драгоценного времени.

Лариса знала, причём определённо, что в её чреве вот уже пару месяцев резвится малюсенькое тельце. Почему до сих пор не сказала об этом Степану, вот что странно.

Дома её не очень приветливо встретил муж. Он хотел было развернуться и уйти, как обычно, но неожиданно посмотрел удивлённо, слишком внимательно.

– Лариса, что с тобой, ты сегодня такая очаровательная, просто богиня, уж не влюбилась ли ты! Нет-нет, дай угадаю... э-э-э... да не может быть... у нас будет сын?

Лариса от такой неожиданности хлопала глазами, которые так некстати наливались влагой, губы и руки дрожали, внут-

ри что-то скакало и ёкало.

Степан подхватил жену на руки, легко закружил.

Через миг они слились в поцелуе, одновременно солёном и сладком.

Лариса родила девочку, затем мальчика. Больше она никогда не слышала критики в адрес своей внешности.

Степан, несмотря на любвеобильность, никогда не давал повода для ревности. Даже если что-то и случалось, она об этом не знала.

Женщина немного подкрашивалась, лишь намёком, но никогда не выглядела серой мышкой.

В целом она была довольна жизнью и счастлива.

Каждый раз, когда подступало плохое настроение, когда на душе становилось дождливо и пасмурно, Лариса вытаскивала из потайного уголка в письменном столе заветный файл, долго вглядывалась в буквы и знаки, нежно проводила по ним пальцами, даже нюхала.

Как он сумел за несколько минут в раздражающей транс-

портной давке разглядеть в ней безграничное очарование, этот мальчишка, Марат, и дать стимул жить дальше?

Если бы не он...

Да, теперь-то Лариса может себе признаться, что в тот день была в шаге от развода. Дальше терпеть выходки мужа она не могла.

Какой же волшебной силой обладает обыкновенное, казалось бы, признание в любви.

Под стук колёс, под стук колёс...

*Я снова должен возвращаться,
с людьми знакомыми встречаться,
в колодцах полутёмных мчаться,
стыдиться слёз,
стыдиться слёз,
с рассудком здоровым распрощаться
и воскресая в снах качаться,
и умирая просыпаться
под стук колёс,
под стук колёс.
Вадим Хавин*

Размеренный стук колёсных пар на стыках рельс, качающее и подпрыгивающее движение пола тамбура, стремительное движение проносящихся мимо окон пейзажных мо-

заик, терпкий вкус табака, приятное, уносящее куда-то в иные реальности головокружение от первой после пробуждения затяжки, необъяснимо зримое, желанное предвкушение неожиданных перемен...

Виктор любил путешествовать в поездах дальнего следования, обожал пить из стакана с подстаканником особенно-го вкуса чай, наблюдать за сменой декораций ландшафта с верхней полки.

Ему нравилась неспешная вагонная суэта, романтический флёр мимолётных знакомств и откровенных разговоров, доброжелательность случайных попутчиков, прогулки на полустанках, возможность при желании абстрагироваться от всего и всех просто напросто отвернувшись к стенке.

На горизонте появилась сине-белая полоска скорого расцвета, ехать оставалось совсем немного, но это совсем не радовало – дома его никто не ждал.

Впрочем, Виктор начал привыкать жить в одиночестве.

Скоро год как он невыносимо болезненно расстался с Ларисой. Нет, даже не так. Это она его бросила, предварительно ловко повернув обстоятельства развода таким образом, что Виктор остался ни с чем.

Ларка была заботливой, ласковой, нежной, игривой, терпеливой и послушной девочкой. Она заменила ему маму, которая слишком рано ушла из жизни. Четыре года Виктор купался в уютных и очень тёплых волнах семейного счастья, не замечая перемен в поведении любимой, пока Лариса не

показала истинное лицо расчётливой хищницы.

Собственно ему некогда было следить за превращениями супруги из белой и пушистой домашней кошечки в дикое существо с горящими от алчности и похоти глазами.

Виктор работал, учился, параллельно выстраивал конструкцию собственного бизнеса, чтобы обеспечить комфортный быт для любимой женщины.

У него не было свободного времени и собственных желаний, их заменяла романтическая аура любовной игры, пылкая страсть в редкие минуты единения, безграничная вера в силу взаимных отношений, абсолютное доверие и восхищённое обожание.

Врождённые способности и энергичность позволяли Виктору неплохо зарабатывать. Он был беспредельно счастлив, что давало повод баловать любимого человечка, неукротимые фантазии которого росли и ширились соразмерно доходам.

Виктору не было дела до того, как и на что тратит семейный бюджет любимая. Его нисколько не смущало, что квартира и загородный дом оформлены на Ларису, что денежные средства, которые удавалось отложить впрок, ложились на её счёт в банке.

Лариса была его единственной религией, святость которой не обсуждалась.

Откуда было знать влюблённому, что миром правят эгоизм, цинизм, тщеславие, самолюбие и алчность? Ведь сам он

таким не был.

Мир счастливого человека не приемлет тьму, он не видит фактов, которые не вписываются в личную систему ценностей.

Нет, Виктор не был легкомысленным и наивным. В среде предприимчивых соратников его считали железобетонным, негибачым.

Так, ведь то про бизнес. Кто мог подумать, что нежная хрупкая женщина способна на подобное предательство и коварство.

Да, эти события уже в значительной мере поросли быльём, хотя...

Лариса всё ещё снилась Виктору одинокими ночами, он то и дело вёл с ней диалоги и дискуссии.

Собственно сейчас, ёжась от холода в тамбуре плацкартного вагона, он мысленно беседовал с ней, в десятитысячный раз вопрошая, – “почему”, приводил доводы, отчаянно спорил, предполагая, что прежние отношения и любовь можно и нужно вернуть.

– Извините, – слышалось за спиной, – не угостите девушку сигареткой?

Виктор не был готов вступать в дискуссию, его волновали и тревожили переживания из другой вселенной, где существовали только он и Лариса. Этот голос и нескромная просьба раздражали, были чужеродными, лишними.

Мужчина раздражённо, не оборачиваясь, протянул поча-

тую пачку.

– Если вас не затруднит, огонька... пожалуйста. Я ведь не курю, просто настроение гадкое, хоть чем-нибудь необходимо занять руки. Ещё раз, извините.

– Прикуривайте.

На Виктора серыми оленьими глазами в половину лица открыто и смело смотрела весьма привлекательная девушка, от целомудренного взгляда которой у него оборвалось дыхание. Просто застыло, прекратилось.

И сердце... в груди гулко ухнуло, заклокотало, отправляя порывистыми толчками кровь на периферию сознания, в разных уголках которого неожиданно заколотился возбуждённый пульс.

– Не помешаю? Мне бы не хотелось показаться навязчивой. Все ещё спят, а я... сложно удержать в себе такое... если ни с кем не поделюсь, нет, не могу, не выдержу...

Девушка всё так же смотрела, словно ждала от Виктора каких-то действий, на что-то такое надеялась. “Да мне самому сейчас не по себе. Вот ведь навязалась!”

– Вика... меня Вика зовут, – на глазах случайной попутчицы заблестели слёзы, – я к жениху ездила... вот... две тысячи километров в одну сторону... на крайний север. Деньги на дорогу заняла, дурёха. В банке... кредит оформила. Думала обрадовать любимого, сюрприз хотела преподнести, подарков ему накупила, деликатесов всяких. Вина... глупая.

– Заболел что ли? К чему слёзы-то лить? Любовь, это же

так здорово. Мечта! А мне б в девчоночку хорошую влюбиться... жизни нужно радоваться, а ты реветь вздумала.

– Можете со мной поговорить? Совсем чуточку. Спасибо! Я ему, оказывается, срвсем не нужна. Он мне замену успел найти. Я приехала, а он... Лёшка мой, с ней... синеглазая такая бесцветная пигалица с пустыми глазами, на потрёпанного воробышка похожая, худая как селёдка, в одной постели с ним спит. Обидно. Я себя котёнком чувствую, которого на улицу вышвырнули.

– Так почему сама с ним не уехала, чего ждала, если так любишь?

– Мне доучиться нужно было. Год всего до диплома осталось. Мы же с ним всё-всё заранее обговорили, а он... подлец, слышать о нём не хочу!

– И то верно. Предавший раз, на этом не остановится. А ты плюнь. Какие твои годы!

– Вот ты, то есть вы, смогли бы изменить любимой?

Виктора удивила и тронула одновременно неожиданная откровенность, настолько прямой вопрос, на который невозможно не ответить.

– Не знаю. Я не попадал в подобную ситуацию. У меня была замечательная жена, разве я мог думать о ком-то, кроме неё? Да нет. Бред какой-то. Любовь и предательство, нет, как это можно совместить?

– Была... вы её бросили, да? Вы такой же, как Лёша! Что с ней, она умерла?

– Неважно, её больше нет... для меня нет. Она сама ушла.

Если быть точным, выбросила меня на улицу.

– Вы что, Альфонс, вы жили за её счёт?

– Куда там. Лариса умудрилась отнять у меня и имущество, и бизнес, и деньги. Но это не важно. Пусть будет счастлива. Мне одному много не нужно.

Эта странная, одновременно застенчивая и дерзкая девочка с выразительным живым взглядом вызывала давно забытый искренний интерес, робость, пробуждала навязчивый рефлекс с желанием дотронуться хотя бы взглядом до обольстительных женских прелестей.

Общение с Викторией давало смутные надежды на то, что целомудренность и скромность не пустой звук, что преданность и верность присуща не только ему, что разрыв с Ларисой – результат ошибочно поспешного выбора, что инстинкт размножения и банальную страсть он опрометчиво принял за настоящую любовь.

Девочка говорила и говорила, выплёскивая наружу противоречивые эмоции и разгорячённые предательством жениха чувства, уверенно акцентируя мысли на том, что крушение любви, это духовная и физическая смерть, что бессмысленно продолжать жить.

– Что вы такое говорите, Вика! А я, я ведь живу. Не скажу, что доволен и счастлив, но мечтаю и надеюсь... искренне верю, что встречу... такую... настоящую. Как ты.

Виктор испугался своих эмоций и нечаянно вылетевших

слов, мельком посмотрел на Вику, которая хлопала носом и хлопала безразмерной величины глазищами, на ресницах которых наливались предательские солёные капли. Похоже, она не поняла смысла сказанного.

Как же захотелось прижать это хрупкое тельце к груди, гладить миниатюрные плечики, трогать малюсенькие пальчики, вдыхать запах девичьих волос.

Виктор ещё помнил, как восхитительно пахнет женщина в момент, когда в ней бурлят эмоции, когда она беззащитна перед таинствами природы и полностью открыта для любви.

Он хотел дотронуться, но не решился, не мог преодолеть внезапную робость, чтобы пересечь запретную зону.

Неожиданно горячая волна блаженного опьянения раз за разом прокатывалась по всему телу, кружила голову, долбила в висках, сжимала спазмами мышцы, но мысли, что такие действия могут обидеть девушку, сковывали движения.

Тем не менее, взгляд Виктора путешествовал от изумительно выразительного рисунка влажных губ через ямочки на щеках и подбородке по нежной коже лебединой шеи, к ложбинке малюсенькой, но рельефной, совершенной формы груди.

Затем опускался по плоскому животику и талии, незаметно останавливался на невидимом участке в складках платья, который притягивает любого мужчину более всего на свете. Ничего предосудительного не происходило, а между тем Виктор потел и краснел от сознания того, что Вика могла за-

подозреть его в коварстве.

Магия совершенства недоступного, но желанного девичьего тела, звала и манила, требовала отклика. Это не было желанием немедленно обладать, иметь, властвовать, хотя тень первобытного инстинкта незримо указывала путь следования.

Виктора интересовала в первую очередь духовная связь, способность почувствовать то же, что она, следовать за волевым поворотом раскрытых для прочтения взбудораженных изменчивых эмоций, желание хоть таким образом помочь Вике преодолеть сердечную боль утраты и ноющую пульсацию испытываемых здесь и сейчас страданий невольной жертвы.

Психологическая и эмоциональная связь между собеседниками росла и крепла с каждой минутой, размывая границы дозволенных действий. Виктор чувствовал, что попутчица настолько доверяет ему, что готова сложить к ногам знамёна и флаги целомудренности.

Нет, он не мог, вот так запросто, воспользоваться её растерянностью и слабостью. Виктор был великодушен и честен. Нельзя путать сочувствие, эмпатию, с убогим желанием близости.

Может когда-нибудь потом, когда девушка успокоится, когда его невозможно будет заподозрить в меркантильности.

Мужчина смотрел на спутницу раскрытыми глазами и мысленно представлял сближение. Пока не физическое. Но вкус поцелуя, прикосновения и божественного запаха ощу-

тил явственно.

Можно сказать, что в эти мгновения он был предельно счастлив.

Вика тоже почувствовала нечто подобное. Между ними пульсировала некая незримая энергия, которая то и дело превращалась в сгусток и готова была выплеснуться взрывом эмоций.

Взгляд девушки был прикован к его одухотворённому лицу, проникал вглубь Витькиных нервов, пытался подбодрить, вынудить действовать. Эти двое напряжённо беседовали, не произнося ни единого слова, понимая друг друга с помощью жестов и мимики.

Более того, они чувствовали единение и родство.

Время между тем несло всё более стремительно. За окном появлялись знакомые пейзажи. До станции назначения оставались уже не часы, минуты.

Вот и расставаться пора...

Как много нужно друг другу сказать, как много...

Внутри у того и другого kloкотало и булькало нечто большое, раскалённое. На языках, как ни странно, оказывались ничего не значащие банальные фразы.

Её глаза светились предвкушением триумфа и откровенным желанием, Виктор почти влюбился.

Ему не хватило нескольких мгновений.

В тамбур неожиданно ввалилась жизнерадостная проводница в боевой уже раскраске, довольная завершением рейса,

с веником, ведром воды и тряпками.

– Пора, голуби, пора! Приехали. Довольно ворковать. Намилуетесь ещё. У бога дней много. Ой, завидую вам. Молодые, красивые... завидная парочка. Ничо, всё будет хорошо. А теперь давайте, освобождайте тамбур, вещички собирайте.

– Да-да, конечно...

– Вот и чудненько.

Витька стремглав помчался в купе. Нужно было успеть собраться, сдать постельное бельё, переодеться. Он хотел предстать перед Викой состоявшимся мужчиной, а не сусликом в растянутых трениках и выцветшей бесформенной майке.

Пассажиры в вагоне суетились, толкали и торопили друг друга. Минуты до остановки состава незаметно закончились.

Как назло все толпились в проходе, лезли вперёд. Хорошо, что в командировке не нужно много вещей. Налегке проще выскочить в числе первых.

Виктор стоял, всё больше и больше раздражаясь и досадуя, ждал Вику. Они не успели обменяться адресами, телефонами. Он даже не знал, где и на кого девушка учится.

Попутчицы, которая вернула ему желание жить, нигде не было. Виктор бегал по платформе туда и обратно, вглядывался в фигуры и лица женщин, надеясь ещё на чудо, которое так и не состоялось.

Сердце то отчаянно стучало, то безнадёжно вздрагивало, мысли скакали и путались. На глаза навернулись слёзы...

– Как же так, Вика, как же так!

Приходил-то зачем!

*Но сколько б пятниц не было в неделе,
где б не пересекались параллели –
когда из всех примет всего одна
пророчит счастье – битая посуда,
резонно полагая, что отсюда
спасение тем лучше, чем скорей,
душа, поймав за хвост попутный ветер,
холодного прощанья не заметит
последнего из многих октябрей.*

Ксения Хохлова

В дверь постучали.

Паша был в школе, Зоя в детском садике. Мария никого не ждала.

– Только взялась за приборку и здрасьте вам, притащила кого-то нелёгкая!

Настроение было паршивое. Последнее время, чтобы дети ни в чём не нуждались, приходилось работать на две полные ставки. Времени не то, чтобы на жизнь, на бытовые хлопоты не оставалось.

Муж, скоро уже два года исполнится, как бросил её с двумя ребятишками. Не только её жизнью, даже детьми за всё это время ни разу не поинтересовался. Растворился, словно сахарный песок в стакане воды, будто и не было десятка лет относительно счастливой совместной жизни, общих планов, любви.

Странная всё-таки штука жизнь, никогда не знаешь, чем через час или через день огорчит или обрадует, хотя ни к тому, ни к другому не было предпосылок. Проблемы приходят внезапно, как телеграммы: примите, распишитесь. А дальше что!

По документам Генка всё ещё был мужем, а в реальности – никто. Даже алименты с него не затребуешь. Где он – неизвестно.

Зарботки теперь стали больше похожи на пособие по безработице. На жизнь не хватает, но выжить можно.

Она, конечно, справляется, но какой ценой!

В кои-то веки взяла выходной, да и тот весь день как белка в колесе.

Маша вообще-то женщина общительная, компанейская, но не в этой жизни. Кажется, всё хорошее с уходом из семьи супруга закончилось.

Давным-давно она последний раз чувствовала себя счастливой. Теперь уже и не припомнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.